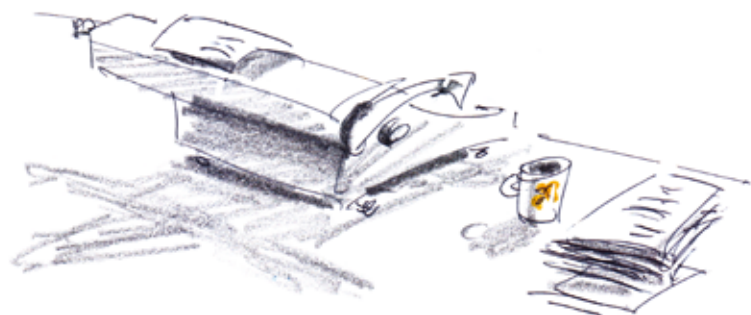

ТАМАРА СМІРНОВА

Король мумиє Мамі

Тамара СМІРНОВА

Король пишет Мане

Художник Йофик ШМОФИК

МОСКВА
2019

УДК 087.5
ББК 83.8
С50

Смирнова, Тамара Алексеевна
С50 Король пишет Мане / Тамара Смирнова. — М., 2019. — 136 с. : ил.

ISBN 978-5-7164-0834-0

Рассказы, которые могут быть интересны как немного подросшим детям,
так и совсем повзрослевшим взрослым.

УДК 087.5
ББК 83.8

ISBN 978-5-7164-0834-0

© Тамара Смирнова, текст, 2019.
© Йофик Шмофик, обложка, 2019.
© Йофик Шмофик, иллюстрации, 2019.

Рассказы
про Антона Мухова,
его родителей
и друзей,

написанные
в 60-е годы
и впервые
собранные
под одной
обложкой

Содержание

Заботы среднего человека	5
Секрет на букву «пу»	7
Белые тапочки	13
Рту.	22
Хвостун	29
Трудно быть писателем	36
Утки-лебеди	43
Кто в Америке президент?	53
Пуговица	60
Эпиграмма	63
Гаврилиада	67
Паспорт	73
Без обоюдности	83
Вертолёт	89
Дядя из Коканда.	96
Подшефный	104
Сам себе Степан Петрович.	111
Бремя власти	117
Четвёрка Тому Сойеру.	123
Несколько слов от сестры Антона Мухова	133

Заботы среднего человека

Я нёс в кухню кактус. В коридоре Галина Кузьминична кричала по телефону:

— И-эх, милая! Не зря говорится: малое дитё — малая заботка, а с большими детьми и заботы большие!

Я вернулся в комнату и сказал:

— Мама! Есть большие и есть дети, а большие дети разве бывают?

Мама говорит:

— Конечно! Я, например, довольно большая, а у меня есть мама — твоя бабушка. Я её дочка. И у папы есть родители, он их сын. Вообще, каждый взрослый — чей-нибудь сын. Или дочь.

Вот тебе и раз! Конечно, когда мама была маленькая, она была бабушкина дочка. Но ведь б ы л а! Потом-то она сама стала мама! Не знал, не знал, что можно быть сразу и мамой, и дочкой. Выходит, взрослые тоже дети?

А я какой? Не маленький — скоро буду маме до плеча. Но и не очень уж большой: звонок не достаю, приходится колотить каблуком в дверь, поэтому она внизу немножко чёрная. Выходит, я средний, и забота со мной средняя. Зато мама и папа у меня уже большие дети, и мне с ними заботы — во!

Секрет на букву «пу»

Папа только дверь открыл — и сразу:

— Что я принёс!

— Говори скорей, а то у меня молоко убежит, — крикнула мама.

— Молчи, папка, — попросил я. — Скажи, на какую букву, я сам угадаю.

— На букву «пу», — сказал папа. А сам нарочно медленно разматывает шарф.

Мама махнула на нас рукой и убежала в кухню. Я стал догадываться: пугач? Пушка? Пулемёт?

Тут мама из кухни высунулась и подсказывает:

— Пуговицы!

— Пуговицы! Ха-ха-ха! Ну, ладно, сдаётесь?

Мама, конечно, сразу:

— Сдаюсь!

А я сказал:

— Нет! Я ещё подумаю. Пурга? Пума? Путь?

— Стоп! — сказал папа. — Путь. Горячо. Я хочу сказать, ты весьма близок к истине. Ты молоток!

Мама ему:

— Отец! Где ты видишь молоток?

Папа удивился:

— Какой молоток? Я сказал: «Ты молодец, Антон!»

Я рассердился:

— Ну что вы за народ! Надо секрет скорее смотреть, а они про молоток! Где секрет, папа?

— А ты не спеши!

Папа достал из пиджака сложенный листок и поднял высоко над головой. Я сразу догадался: билеты в кино! Новое! На «пу»!

— Никакие не билеты, а путёвка в детский сад! С понедельника. Наконец-то мы с тобой, мать, вздохнём полной грудью.

Мама ахнула, они вдвоём стали читать путёвку, которая, ясное дело, открывала мне с понедельника путь в детский сад, чтобы мама и папа могли дышать полной грудью. Мне стало чего-то скучно.

Я пошёл на кухню, там пахло горелым — молоко-то убежало, — а сам всё думал про детский сад. Ещё утром я очень хотел туда, даже плакал: ведь мне скоро шесть с половиной, а я ни разу не ходил в детский сад. Так и жизнь пройдёт! А сейчас мне вдруг расхотелось. И зачем папа принёс этого своего секрета на букву «пу»? Оставался бы я дома с нянями.

Самая весёлая — няня Нина. Мне с ней разве плохо было? А веселее всего — когда мама с папой уходили в кино. Или в театр. Тогда к нам приходил Нинин знакомый приятель дядя Коля. Он всегда приносил чего-нибудь: бублики на верёвочке или селёдку, а один раз принёс петушка на палочке! Красного,

как стёклышко, блестящего! Он его в кармане нёс, и к хвосту прилепились крошки. Дядя Коля стал их счищать — не смог, только руки запачкал: он липкий, петух-то! Я сказал: «Дядя Коля, дай мне, я вымою». Нина забеспокоилась: «Ну как размокнет? Красота такая! Лучше, Николай Степанович, я его сама почищу!» Взяла и стала языком слизывать крошки. И даже глаза закрыла: так вкусно! Я закричал: «И мне, и я хочу!» Нина вздохнула. А дядя Коля — какой хитрый! — достал из кармана ещё петушка и мне дал. Мы с Ниной оба лизали, а дядя Коля ел бублик, смотрел на нас и смеялся.

И тут, как назло, вернулись мама с папой. Здравствуйте! У них театр отменили: Иван Сусанин заболел. Нашёл когда болеть! Когда мы так хорошо сидим, петушков лижем...

Так я своего и не долизал: мама отняла и выбросила в помойное ведро. Такую красоту! До сих пор жалко.

Мы здорово жили с Ниной. Нина — молоток, она теперь работает на заводе, где делают галоши, а вечером учится в шестом классе. Это точно. Я сам слышал, как папа маме говорил, что он встретил дядю Колю, и тот ему всё рассказал про Нину.

Другие няни тоже были очень хорошие, но старые. У них не было таких интересных знакомых, как у Нины, и они ничего не понимали в петушках. А уж в школе учиться или галоши делать — куда им! Матвеевна могла только спать. Укладывалась на диван и говорила: «Я, Тошенька, глаз на глаз сведу». Я ей говорю: «Играть хочу!» А она: «Давай поиграемся. Я буду спать, а ты на меня глядеть...» Ничего себе, весёлая игра!

Федосья Гавриловна — та любила книжки. Я ей все свои пересказал по три раза, а про Хоттабыча, наверно, сто раз!

А тётя Люба на книги и не смотрела. Ей бы чайку попить, и больше ничего не надо. Она его всюду с собой носила. Во фляжке. Напьётся своего чаю и поёт про Егора:

Когдаб я ймел залаты Егоры

И реки по-ол-ные ви на!

Я её всё спрашивал: что такое «когдаб я ймел» или эти «полные ви»? Тётя Люба сердилась: «Подрастёшь — сам запоешь!»

Няню Соню я совсем не помню: маленький был. Маленький, да удаленький. Мама рассказывала: пока няня Соня какую-то пластинку слушала, я полкоробки зубного порошка съел!

Тут мама с папой вошли в кухню.

Мама спросила:

— Что же свет не зажёл?

А папа:

— Чего притих-присмирел?

— Так, — говорю. — Вспоминаю детство.

Белые тапочки

Меня теперь все — и в нашем подъезде, и гости — спрашивают: «Нравится тебе в детском саду?» Надоели! Чего такого? Нормальный детский сад номер сто двести пятьдесят четыре. Я быстро вошёл в коллектив. Я бы ещё быстрее мог, если бы знал, что Лариса Сидоровна станет смотреть, как я туда вхожу.

А один дядя с маминой работы пристал:

— Нет, ты скажи: что тебе в саду больше всего нравится?

Я говорю: рыбка в аквариуме, Лёнькины техасы со слонем сзади, Аллочка Петровна, воспитательница малышей группы, и пшённая каша с тыквой нашей поварихи Евы Вороновны.

Он говорит:

— Евы... Как?

Я говорю:

— Вороновны!

Он говорит:

— Ты уверен, что её так зовут?

Я говорю:

— Уверен. Мы все её так зовём.

— И она не обижается?

Я говорю:

— А чего ей обижаться?

Дядька почему-то сильно удивился и от удивления заговорил на иностранном языке:

— Потрясно! Конгениально!

Я спросил:

— Дядя, это вы по-какому говорите? По-английскому? Или по-эстонскому? А то у нашей соседки Галины Кузьминичны есть деверь — эстонец из братской республики...

Тут, как всегда, на самом интересном месте мама пришла, и он мне не ответил, заговорил с мамой. По-русски. А я только разговорился и хотел ему ещё рассказать про то, что мне в нашем детском саду не очень-то нравится! Спать днём, мыть руки перед завтраком, обедом и ужином и лепить утку. Она у меня выходит похожа на крокодила. Ещё ужасно не нравится шкафчик для одежды: такой маленький, тапочки не влезают.

Сначала мой шкафчик с Синьором Помидором на дверке хорошо закрывался, тапочек у меня с собой не было. Я не знал, а мама забыла. Поэтому я просто снял галоши и весь первый день — понедельник — ходил по группе в валенках. Во вторник принёс тапочки из дому, а они, оказывается, не такие! Они вред-

ные для моего организма: на резине. На другой день папа купил полезные тапочки на тряпочной подошве, и в четверг я их надел. Но на зарядке Лёнька наступил на мою левую пятку, нога вынулась и пошла дальше, а тапок остался на полу, и ребята об него спотыкались и смеялись. Тогда Лариса Сидоровна велела: надо пришить резиночки! В пятницу я пришёл с резинками. В этот день у нас была физкультура.

Лариса Сидоровна привела большого мальчика и сказала:

— Познакомьтесь, дети! Это Гена Лапкин из 6-го «Б» шефской школы. Он будет мне помогать.

— На общественных началах, — прошептал Гена.

— На общественных началах, — громко повторила Лариса Сидоровна. Потом она ушла, а нам велела слушать, что Гена скажет.

Гена сказал:

— Смирна!

Мы построились. Гена сказал:

— Запомните раз навсегда, зарубите себе на нос: спортсмен начинается с одежды. На следующее занятие всем прийти в трусах, футболках и спортивных тапочках, а то на вас противно смотреть. Улавливаете ход моей мысли?

Мы сказали, что да, он ещё немножко рассказал нам про спортивную форму и отпустил в группу.

В субботу папа принёс ещё одни тапочки. Спортивные. Я посмотрел и чуть не заплакал:

— Что ты наделал, папка! Ведь они коричневые, а надо чёрные. Я же тебе русским языком объяснял!

Мама стала меня утешать: «Не беда. Чёрные и коричневые похожи. А вот есть болезнь, когда человек красное от зелёного не отличает, вот это да!»

Папа послушал, рассердился и сказал, что пусть мы тогда сами покупаем свои бесчисленные тапочки. Мама ответила, что, между прочим, «Детский мир» рядом с его работой, а ей туда целый час тащиться...

Зря они спорили! Физкультуры на другой день не было, были музыкальные занятия. Музыкальный работник играла на рояле, а мы ходили друг за другом и парами, а потом пели. И она рассказала нам про Восьмое марта.

Восьмое марта — Международный женский день. Его празднует весь мир. И мы тоже. Мы разучим к Восьмому марта песни и танцы и придём белый верх, тёмный низ. Я спросил:

— В тапочках?

Музыкальный работник обрадовалась:

— Молодец, напомнил! Все приходят на праздник в белых тапочках.

Когда я стал рассказывать вечером, мама мне шепнула:
«Тише! Папа занимается». Но папа услышал, вскочил из-за
стола и громко спросил:

— Опять тапочки?

— Белые.

— Ах, белые! Очень приятно. Слышишь, мать, музыкаль-
ный работник велел белые тапочки. Боюсь, он мне приснится
сегодня. В белых тапочках.

— Успокойся, — сказала мама. — Белые тапочки — пустяк, я сама их сошью.

— Точно, — согласился папа. — Сшей. Отдохни за рукоделием, оно успокаивает нервы.

— Что с тобой? — спросила мама. — Ты устал воспитывать сына? А кто говорил мне: «Выведи Антона из пелёнок, дальнейшее его воспитание я беру на себя!»

Папа заорал:

— При чём тут воспитание? Тоже мне воспитательный момент: белые тапочки! Как будто ребёнок может их сам себе купить или сшить! Кого, в конце концов, воспитывает детский сад: детей или родителей?

— Ты не прав хотя бы потому, что сейчас не время обсуждать этот волнующий вопрос. Антон, ты не забыл полить кактус?

Если мама вспоминает про кактус, значит, мне надо уходить из комнаты.

Я взял горшок с цветком и пошёл, но в кухне увидел: земля совсем сырая — и скорей понёс обратно. Я старался наступать на пол тихо, но проклятый кот Тихон кинулся на меня с громким мявом, думал, я ему молока несу, и мама с папой услышали и не стали больше разговаривать, а послали меня спать.

Утром я спросил:

— А футболка?

Папа удивился:

— Какая ещё футболка?

— Для физкультуры.

— Первый раз слышу. Что же ты, мама, не сказала: сыну нужна футболка?

— Маме трудновато было это сделать, поскольку она узнала про футболку вместе с папой. Что ж, надо так надо. Тебя обременять я больше не смею, куплю сама.

Мама говорила нарочно. По-моему, папе тоже так показалось, потому что он вдруг сказал:

— Всё сердишься, мать? Брось! Футболка — это вам не тапочки. К тому же «Детский мир» у меня под боком, а тебе от твоего издательства полтора часа... Ну, Антон, говори скорей, какая нужна футболка?

— Оранжевая.

— Очень красивый цвет. А размер?

— Тридцать второй размер. У твоего сына, — сказала мама.

Вечером я долго ждал папу. Я волновался: вдруг он позабыл купить футболку?

Папа позвонил в дверь, когда я уже почти уснул. Он спросил: «Спит?» И мама ответила, что, кажется, да. Папа сказал:

— Обошёл три детских и пять спортивных магазинов. Футболки его размера есть почти везде: жёлтые, чёрные, белые... Даже какого-то цвета индиго, чёрт бы его побрал!

Мама говорит:

— Ну-ну!

Папа говорит:

— Нет, я бы всё-таки хотел знать, какой идиот умудрился придумать оранжевый цвет? И почему именно оранжевый, а не цвет индиго, например?

Тут я подумал: «Это Гена!» Но, оказывается, я не только подумал, но и заорал.

Они испугались, прибежали:

— Что ты кричишь, тебе страшное приснилось?

Я говорю:

— Папа! Ты хотел знать про идиота, так это Гена из 6-го «Б». Он у нас на общественных началах, чёрт бы его побрал!

Папа говорит:

— Хорошо, хорошо. Ясно! Вот до чего ребёнка довели!
Ты спи, утром поговорим.

А мама плакала, с неё слёзы капали прямо на мой нос.

Утром разговаривать было некогда, а в детском саду я узнал: Гена ошибся. Нам нужны не оранжевые, а вовсе голубые футболки!

Рту

Я не очень люблю читать. Я не в маму. И не в папу. Никто не знает, в кого я! Мама никогда не думала, что это превратится в проблему.

А бабушка говорит, что я не виноват. Виноваты системы.

Раньше была система — не учить грамоте до школы.

Потом стала другая система, учить детей читать с четырёх лет.

Но когда она стала, мне было уже шесть, и оказалось, что я совсем не хочу читать!

Мама чуть не плачет:

— Ну почему ты не читаешь? Поиграй с мишкой в школу. Смотри, какая азбука интересная!

Я говорю:

— Неправда, неинтересная. «Рос мак. Рос лук».

Ну и пускай себе растут на здоровье!

Папа говорит:

— Точно. «Рос лук». Скукота! Давай лучше про Чиполлино вместе читать. По очереди.

Чиполлино — это другое дело. Вечером мы с папой садимся за стол. Сначала я читаю свою страницу, а папа смеётся про Синьора Помидора, как он сам себя в тюрьме захлопнул.

Я читаю и завидую папе. Мне почему-то не смешно, когда я сам читаю. Я пока до точки дохожу, начало уже немножко забываю.

Наконец я свою страницу кончил! Теперь мне её папа читает, и я со стула чуть не падаю: ой, не могу, смех какой. Даже мишка мой с кровати улыбается. Он у меня умный. Всё понимает!

Чиполлино — другое дело, чем «рос лук», но я всё-таки не люблю читать. Я люблю догадываться.

Один раз я гулял по комнате. Скучно мне было, а на полу — коробочка от лекарства. Я глядел-глядел и вдруг догадался. И закричал:

— А я знаю! Это «Аспирин»!

С тех пор я всегда смотрю по сторонам: не попадётся ли чего-нибудь? Иногда попадается интересное. В газете: «Можно ли потерять голову». Или в календаре: «Уход за жирной кожей». А потом я стал догадываться на улице. «Молоко». «Агитпункт». «Юноши и девушки! Храните деньги в сберегательной кассе!» А то ещё — «Трикотаж». Но не думайте, там не то что трёх — одного несчастного кота не найдёте, вместо

котов висят вязаные фуфайки. Папа говорит, они ещё висели, когда он в детский сад ходил.

Я спросил:

— А что вы в детском саду рисовали?

Папа говорит:

— Не помню.

Я говорю:

— Шутишь?

Но он правда забыл. Я вчера весь день удивлялся и сегодня с утра. Подумайте: забыл! Я почему-то всегда помню, что рисовал.

Прошлую среду — «примулу с натурой», а сейчас — вот, пожалуйста: битва кальмара с кашалотом. Схватка в океане.

— Кто победит? — спросил Лёнька.

Я сказал:

— Ещё не знаю. Понимаешь, чаще кашалот побеждает, но иногда бывает наоборот. Ладно! Пусть оба!

И я написал: «НЕЧЯ».

— Выразительный рисунок, — похвалила меня Лариса Сидоровна. — Подпись, правда, неразборчивая. Что такое «ненья»?

— Какая «ненья»? Ничья!

— Тогда нужен мягкий знак, и «Ч» ты повернул неправильно.

Так и знал! Когда я стараюсь, буквы всё равно пишутся не в ту сторону. Я люблю буквы без стороны. Вот у меня хорошее имя: АНТОН. Все буквы без стороны!

— Антон! Заснул? За тобой пришли! — завопил Лёнька, и я сразу вспомнил: ура! Сегодня пятница, мама занимается, и мы с папой целый вечер будем дома одни мужчины.

Пока я мыл кисточку, в раздевалку пришли ещё две родительницы, и Танина мама позвала Ларису Сидоровну и отдала ей бумажные стаканчики от сметаны, а Сашина мама — не того Саши, который летал на самолёте, а того, которому Лёнька нос разбил, — сказала:

— Где вы брали? В нашей бакалее?

А Танина мама:

— Что вы! В центре, конечно!

Папа завязал мне шарф и спросил:

— А тебе не надо такие колпачки?

Я сказал, что, во-первых, не «колпачки», а стаканчики, а во-вторых — как это «не надо»? А во что лук сажать?

— Лук?

— И фасоль.

Папа удивился, чего же мама мне этих стаканчиков не купила. Я объяснил, что мама искала, но ей сметана не попала. То есть попадалась, но без стаканчиков.

— А кроме сметаны?

— Кроме бывает икра. И кофе. Тоже почему-то не попались. А больше я не знаю, что. И мама не знает.

Папа говорит:

— Эх вы! Самую главную стаканную еду забыли!

Я говорю:

— Какую?

Папа говорит:

— Сейчас сам увидишь.

И потащил меня к ларьку с вывеской «Мороженое».

— Есть у вас в стаканчиках?

— Есть, — ответила тётя в белом халате. Она его прямо поверх пальто надела и читала толстую книгу. — Есть пломбир с кремом.

— Вы гений, — сказал папа и засмеялся. — Вы нас спасли. Теперь мы посадим огород и напишем: «Рос лук».

— Огород? — удивилась тётя. — В стаканчиках? Зачем? Возьмите лучше жестянку от консервов. Или стеклянную банку. Хотите, дам? У меня с собою есть.

— Спасибо. Не надо. В детском саду требуют стаканчики, — сказал папа. — Верно, сын?

Я кивнул.

— Чего только люди не придумают! — вздохнула тётя в халате. — Хорошо, моя уже школьница. В третьем классе. Отличница!

Тётя дала мне два стаканчика. Через бумагу, в которую они были завернуты, я потрогал, какие они твёрдые и холодные. Завёртка разноцветная, с белыми буквами: «Вес 100 гр. Цена 19 коп. РТУ РСФСР...»

— Папа! — сказал я. — Здесь написано «рту РСФСР». Ошибка! Что ли, одному рту? Надо «ртом РСФСР», правда?

— Видишь ли, — сказал папа. — Здесь имеется в виду не рот. А что? Ну, может быть, «Российское торговое управление»... Признаться, я и сам не знаю.

Я рассердился.

— Папа, а не знаешь. Кто за тебя знать должен? Мама, что ли?

Но мама знала! Мы пришли домой, а она тут как тут. У неё сегодня вместо двух лекций одна была. Мама говорит:

— Это же очень просто: «Республиканские технические условия». Что это значит, я вам потом объясню. Скажите лучше, с чего вы задумали мороженое покупать? По какому такому случаю?

Я сказал маме:

— Какая ты у меня недогадливая! Сними бумагу — и всё поймёшь!

Мама ушла в комнату и оттуда закричала:

— Сняла! И всё равно ничего не понимаю!

Мы с папой захохотали. И пока руки мыли — фыркали от смеха и друг другу подмигивали. А потом мы вошли в комнату и видим: посреди стола — блюдечко, на нём наши стаканчики. А они — вафельные!

И мы их съели.

Хвостун

Я полез за носовым платком, а у меня в кармане зашуршало. Я подумал — там моя картина «Звездолёт стартует на Луну», но это было совсем другое. И когда я рассмотрел, что шуршало, я даже закричал:

— Ох ты, чего! Идите скорей все сюда!

Мама прибежала первая:

— Что случилось?

— Да ничего, — говорю. — А где папа?

Папа вошёл и говорит:

— Здесь я, чего ты расшумелся?

— А того, что вот — записка! Музыкальный работник велела тебе, папочка, передать. Лично.

Папа так удивился!

— Чего-чего?

А мама приказала:

— Дай-ка сюда!

— Пожалуйста, мне не жалко. Читай! Только папе отдай потом: ему записка, а не тебе.

Мама быстро прочитала бумажку и сказала:

— Вот как? Ты, оказывается, настолько усовершенствовался в машинописи, что заказы берёшь? И когда только успел?

— Какие заказы? Что — успел? Может быть, и мне наконец дадите взглянуть?

Папа схватил записку и стал читать вслух:

«Уважаемый Виктор Николаевич!

К Вам большая просьба — переписать на машинке заметки для праздничного номера стенгазеты (через два интервала). Уверена, Вы не откажете.

Заранее благодарна. А.А.»

— Ничего не понимаю! Через два интервала... Откуда она взяла, что я умею?

Папа долго удивлялся.

Мама молчала.

Я чистил зубы и тоже думал: откуда она взяла, что папа умеет через два и н т е в р а л а?

На другой день папа вернулся с работы рано. Мама, как всегда, первым делом испугалась:

— Случилось что-нибудь?

— Всё в порядке, ничего особенного, — сказал папа. — Какие вы, женщины, паникёры! Просто мне пришлось отпроситься сегодня пораньше. Заходил в детский сад, чтобы выяснить недоразумение с запиской.

Мама говорит:

— Ах, вот чему мы обязаны! А мы-то думали, ты к нам спешил.

Папа говорит:

— Замечательное высказывание с точки зрения педагогики.

Посмотри: Антон слушает тебя разинув рот!

Я обиделся и закрыл рот и хотел уйти совсем, но папа сказал:

— Постой, ты-то мне и нужен. Сядь сюда.

Я сел на стул, и он спросил:

— Давай по-честному: хвалился?

— Нет.

— И про машинку не хвалился, что умеешь печатать?

— Ну, про машинку! Вспомнил! Это когда было!

— Три дня назад это было, мне Антонина Андреевна сказала. А не верить ей, пожилой, уважаемой женщине, у меня нет оснований!

— Какая Антонина Андреевна? У нас такой нет!

— Может, ты скажешь, в таком случае, как зовут вашу...
вашего музыкального работника?

Я задумался: как его зовут? Потом сказал:

— Так и зовут: «Музыкальный работник».

— Антонина Андреевна её зовут! А теперь признавайся:
что ты ей нагородил про машинку?

А я ничего не городил. Просто музыкальный работник спрашивала у Ларисы Сидоровны, не знает ли та кого-нибудь, кто умеет печатать на машинке. А я был дежурный — разносил хлеб по столам — и услышал. И сказал, что я знаю.

— Кто же? — спросила Лариса Сидоровна. — Твоя мама?

— Не-е! — сказал я. — Она не может. Я могу.

Они обе посмотрели на меня, и я увидел: не верят. Тогда мне стало обидно, и я сказал:

— Честное слово, я умею печатать на машинке! Только не очень хорошо. А вот мой папа — он очень. Он печатает будь здоров!

— Да? — ответила Лариса Сидоровна. — Ну, хорошо. Зови всех ребят за стол.

А я правда не врал. Когда Анна Борисовна печатала мамин диплом, она оставляла у нас свою машинку, чтобы не таскать туда-сюда, и один раз мне дали постучать, и я напечатал: «Антон». Папа тогда сказал: «Здорово! Ну-ка, а у меня получится?» И я пустил его на своё место. Он сел и в одну минуту напечатал ещё два слова — «спокойной ночи». Получилось

так: «Антон, спокойной ночи». Это чтобы я шёл спать, потому что было уже девять часов.

Папа замечательно напечатал: крупными буквами. Только вместо восклицательного знака у него почему-то получился какой-то непонятный. Папа сказал — «параграф». Когда этот параграф вылез в первый раз, папа удивился: вот так номер! Жмёшь на восклицательный, а выходит параграф. Наверно, машинка старая. Я к папе подошёл, и мы стали вместе нажимать. Выходило очень интересно: «Антон, спокойной ночи», — а потом до конца строчки одни параграфы!

— Да, — сказал папа после того, как я ему рассказал, что я музыкальному работнику рассказал. А про то, как мы с ним печатали, нечего было рассказывать: он и сам знал! — Да-а, — сказал папа. — Не думал я, что мой родной сын такой обманщик.

— Я не обманывал!

— Как не обманывал? Сказал, что умеешь печатать и что я умею. Антонина Андреевна на нас с тобой понадеялась, а разве мы можем печатать по-настоящему? Например, как Анна Борисовна? У нас и машинки-то нет! Ну, довольно. Запомни: хвалиться тем, что умеешь, недостойно мужчины.

Хвалиться тем, чего на самом-то деле и не умеешь, по меньшей мере глупо. Надеюсь, это было в первый и последний раз, и мне никогда больше не придётся услышать, что мой родной сын — хвастун. Ты понял?

— Понял, — сказал я. — Я только одного не понимаю: почему хвостун? Разве оттого, что я в первый и последний раз не нарочно обманул музыкального работника, у меня вырос хвост?

Трудно быть писателем

Когда папа объяснил музыкальному работнику, что не так уж хорошо умеет печатать на машинке, она попросила его сочинить в детсадовскую газету заметку про Восьмое марта. Папа обещал.

Прошло несколько дней, и Лариса Сидоровна меня спрашивает: «Принёс папину заметку?» Я говорю: «Нет». Она говорит: «Завтра последний день. Не забудь принести, а то у нас газета сорвётся».

Я даже испугался. Пришёл домой и говорю:

— Папа, ты написал заметку?

Папа говорит:

— Скоро напишу.

Я тогда сказал:

— Папа! Ты и вчера, и позавчера говорил: «Скоро напишу». Ну так знай: если не напишешь сегодня — завтра газета оборвётся, и я даже не знаю, что тогда будет!

Папа посмотрел на меня и улыбнулся. И стал заряжать ручку. Тут мама зашла. Папа ей говорит:

— Начинаю писать заметку. Ничего не поделаешь, пойду в писатели, раз машинистки из меня не получилось. Кстати, по глазам твоим вижу: ты не прочь была бы выполнить почётное задание вместо меня!

Мама ответила, что папа ошибается. Она вовсе не хочет почётное задание, потому что, во-первых, у неё и так дел по горло, во-вторых, не её просили, а папу, и в-третьих, вообще неправильно заставлять женщину писать про Восьмое марта: что ли, она сама себя поздравлять будет?

— Сдаюсь, — сказал папа. — Только уговор: создайте мне творческую обстановку.

Я спросил, какая такая творческая. Полированная? Папа объяснил, что это не мебель.

Это когда никто не мешает писателю писать, а наоборот, все помогают. Жена подаёт прямо на письменный стол чай и пирог на блюдечке с голубой каёмочкой, дети ходят на цыпочках, телевизор не работает...

Мы начали с телевизора. Я на носочках подошёл к нему и выключил. Потом мы с мамой ушли в кухню. Скоро папа позвал маму. Я тоже пошёл.

— Слушай, — сказал папа. — Начало уже есть: «Восьмое марта — первый весенний праздник. В этот день все мы...» Ну как?

— Неплохо. А дальше что?

— Понимаешь, дальше пока не придумывается. «В этот день все мы...» А вот что «все мы»?

— Ясно что, — ответила мама. — В этот день все порядочные мужчины поздравляют своих жён, матерей, сестёр, бабушек...

— И дедушек, — посоветовал я, — чтобы не обиделись.

— Слыхала? Ну скажи, можно ли творить в такой обстановке? Кстати, я что-то не вижу пирога.

— Пирог не проблема. А вот блюдечка с голубой каёмочкой у нас нет.

Папа стал говорить, что он согласен без каёмочки. Но мама упиралась:

— Нет, нет! Ты же теперь не просто конструктор, а писатель.

Мне было интересно: кто кого переспорит? Но тут пришёл Серёжа. И конечно, с шахматами.

Я его зову просто «Сергей» или «Серёжа», а не «дядя Серёжа», потому что он ещё молодой, в седьмом классе. И ростом невысокий. Его поэтому в кино иногда не пускают. Тогда он приходит к нам — играть с папой в шахматы.

Папа заулыбался, хотел доску расставлять, но потом вспомнил и говорит:

— Нет. Не могу. Я сегодня, видишь ли...

Тут я как заору:

— Папка сегодня писатель! Он заметку пишет! Восьмомартовскую!

Серёжа так и сел. А папа говорит:

— В таком плане. Творю, понимаешь. Трудновато, конечно. Творческой обстановки не хватает. Разве они понимают? Чаю просил — не дают, ссылаются на объективные причины.

Но я пишу, преодолевая трудности. Вот послушай: «Восьмое марта — первый весенний праздник. В этот день все мы...»
Нравится?

— Нормально, — сказал Серёжа. — Интересно, что потом?

— Мне самому интересно. Но потом пока нет. Начало, как видишь, есть, а для конца мне всё время чего-то не хватает.

— Я знаю чего, — сказал Серёжа. — Литературы. Ну этих, источников. Есть у вас работница?

— Платной нет, — сказала мама. — У нас, Серёженька, работница на общественных началах. С незаконченным высшим образованием.

— Вы меня не поняли, — сказал Сергей. — Вы журнал «Работница» выписываете?

— Тоже нет. У нас на женский журнал денег нет. Зато мы получаем «Рыболов-спортсмен».

— И «Здоровье»! — закричал папа. — Может быть, и «Здоровье» моё?

— «Здоровье» тоже годится, — сообщил Серёжа. — Где у вас прошлогодние? Дядя Витя, дайте я попробую дописать? А потом мы с вами разок сразимся, да? Чур, мои белые!

— Что за вопрос!

Папа ужасно обрадовался. Он отдал Серёже все журналы и ушёл к маме в кухню. Сказал, что устал от умственного труда. Сергей брал «Здоровья» одно за другим, взглядывал на обложку и сразу откладывал: «Не то». И правда, всё было не то! Парень упал с лыж и хохочет, тёти в шляпах собирают виноград и другое такое же. Но потом он отложил парашютиста — по-моему, зря. И знаете, что он выбрал? Какая-то девчонка из малышовской группы — рот до ушей — ест кашу и махает ложкой. Смех, да и только.

Но Сергей так заулыбался! Он всё приговаривал: «Вот оно, то самое!» Открыл журнал и стал писать.

Написал и стал нам читать вслух. Я всё ждал, когда будет про девчонку с манной кашей. Но он про неё, наверно, раздумал, а написал про мир и дружбу всех матерей на Земле и какие замечательные советские женщины.

Даже мама сказала:

— Прилично. Только очень похоже на доклад. Надо бы просто: «Дорогая Лариса Сидоровна! От души благодарим Вас за воспитание наших детей хорошими людьми».

Серёжа говорит:

— Я хорошо смотрел: в «Здоровье» про это нет.

— Да отложи ты журналы, — посоветовала мама. — Сам пиши.

Серёга говорит:

— Нет, я так не могу. Лучше я ещё поищу.

Мама стала мечтать:

— Хорошо бы и стихотворение вставить.

Серёжа сразу приуныл:

— Ещё и стих сочинять?

— Да нет, стихотворение найти надо. В книжке. У хорошего поэта.

— То вы говорите «брось свои журналы», то «найди стих в книжке».

Папа развеселился:

— Это, Сергей, называется «женская логика». Привыкай!

Серёжа говорит:

— Ладно, сообразим. Вы меня только не путайте.

Мама засмеялась и ушла на свою любимую кухню: она как наденет фартук, её оттуда не вытащишь. Папа опять пошёл

за ней. Серёжа сел за стол. А я, не говоря ни слова, стал доклеивать ракету. В общем, обстановка была очень творческая.

Но всё-таки Серёжа писал долго: это очень трудно — писать конец восьмомартовской заметки! Он сильно устал и, когда кончил, даже сам читать не смог, дал папе. Папа прочёл:

— «Спасибо... От благодарных родителей...» А где же стихи?

Сергей обиделся:

— Вы читать не умеете, дядя Витя! Вот как надо.

Тут он поднял руку и прочитал с выражением:

Спасибо! За наших! Прекрасных детей!

От! Благодарных! Родителей!

И я до сих пор не могу простить папе: он, прямо как какой-нибудь человек рассеянный с улицы Бассейной, забыл отдать мне листок с Серёжиными последними словами, и заметку напечатали без конца, где стих про прекрасных детей. Я боялся — все заметят, но, к счастью, никто не заметил.

Утки-лебеди

Мы с Таней вместе вышли из детского сада. У калитки я со своей мамой пошёл налево, а Таня со своей — направо. «До свиданья, Антон», — сказала Таня. «До свиданья», — ответил я.

Таня отошла и снова сказала: «До свиданья!» — «До свиданья, Таня». — «До свиданья, Анто-о-он!» — «До скорого!» — «Счастливого весёлого пути!» — «И тебе тоже!!!»

Мы так орали, что люди смотрели. Но мама не рассердилась.

Она сказала:

— Я понимаю, нелегко расставаться с друзьями, но ведь утром вы встретитесь и снова будете вместе играть.

Я даже остановился:

— Играть? Да я с ней и не вожусь!

Мама говорит:

— То есть как — «не вожусь»? Тогда зачем вы столько кричали?

Я говорю:

— Ну и что? Надо же было попрощаться по-человечески! А водиться с ней — нет уж! Зачем она наядбедничала, что мы с Лёнькой на спор пили воду из-под крана?

— И много ты выпил?

— Чепуха! Стакана три. Или пять. Я точно не помню, я больше не буду. А с Танькой я всё равно не вожусь! Она котлету оставляет, а от мяса вся сила, знаешь?

— Знаю, — сказала мама. И всё.

И не ругалась ни капельки. Ни одним словом. Шла и молчала. Я тоже молчал и про себя удивлялся: почему это мама — и не ругает за холодную воду? Два дня назад, когда у меня уплыла шаланда, а я думал, там мелко, и наступил, — мне ой-ёй-ёй чего было!

Я видел, мы не домой идём, и спросил: куда? Мама ответила: «В лес, смотреть весну». Я обрадовался: вот здорово. И так, радуясь, дошёл до леса — и сразу увидел и сказал:

— Мама! Если бы ты только знала, кто идёт!

— Кто?

— Лёнька! Я давно мечтал его встретить!

— Давно он не ходит? — спросила мама.

— Почему «не ходит»?

— Я думала, он болел, и ты его много дней не видел...

— Да нет! Как ты не понимаешь? Просто он из нашей группы! Побегу!

Я побежал и сказал: «Привет!»

— Салют! — ответил Лёнька. — Ты с матерью? А я один. Гуляю.

— Меня через соше не пускают, — сказал я. — То есть нет: через шоше.

— Меня тоже через этого самого не пускают, — признался Лёнька. — Но мне и не надо. Мой дом тут, в парке.

— В каком «парке»? Это же лес!

— Сказал! Лес — где медведи, волки разные бегают...

— Подумаешь, медведи! А здесь зато утки. И лебеди. Они триста лет живут, побольше твоих медведей! Пошли посмотрим?

И мы помчались, а мама снова осталась далеко позади.

Пруд ещё не совсем отмёрз, но лебеди уже вылезли из своего домика и подошли к берегу, где их кормили. Им все бросали еду.

Тётя в рыжей шубе давала хлеб прямо из рук, а они шипели, и ковыляли за ней, и трепали её за рукав шубы. А потом лебеди наелись, сами отвернулись от тёти и, не сказав даже спасибо, пошли к воде, где оттаяло.

Навстречу им из пруда вылезли утки, они уже наплавались. Первый лебедь их, наверно, спросил: «Ну, как вода?» — «Пра-хлад-ная, страх!» — ответили утки и поплелись, переваливаясь, вежливо обходя своих великанских родственников.

Лебеди подошли к краю льда. Первый обернулся и строго сказал второму: «Не ходи, сначала я!» И с этими словами он полез грудью в воду, но там, где утки плавали, ему было мелко, и он встал на лапы и пошёл. Потом снова хотел лечь на воду — и опять поднялся.

Наконец дошёл до глубокого места и поплыл, красиво, как на картинке! Он позвал: «За мной!» Тогда второй его друг тоже зашёл в воду, но он уже знал, до каких пор мелко: прямо дошёл до глубины и стал плавать.

Все вокруг говорили, какой первый лебедь заботливый: наверно, он отец, а второй — мать, лебедиха, и он её охраняет и бережёт. Я подразнил Лёньку: «Это тебе не медведи!» — «Всё равно парк!» — сказал он.

— Нет, лес!

— Нет, парк!

— Лес!

— Кхрра! — завопил вдруг первый лебедь.

— Слыхал? — обрадовался Лёнька. — Он за меня. Он говорит: «Парк!»

Но тут второй захлопал крыльями — да как заорёт на того, первого! И они стали голосить по очереди, один громче другого, и наскакивали друг на друга, растопырившись и выгибая шеи. Вдруг один из них, не переставая орать, взлетел и понёсся к своему зелёному домику. Мы с Лёнькой заспорили: чей полетел? Мой, который за лес, или его? Тут мама подошла и сказала, что пора домой.

Мы проводили Лёньку до самого дома.

Я ещё не кончил ему махать, как увидел Валеру. Он в песке чего-то строил.

Я сказал маме:

— Какой сегодня удачный день! Сначала встретили Лёньку, а теперь я вижу Валеру.

Мама ответила:

— Я очень рада, но так мы не доберёмся до дому. Может, отложишь встречу с Валерой на завтра?

Я стал просить: «На секундочку! Мы только помиримся!» Мама посмотрела на меня и вздохнула. Я крикнул: «Спасибо! Считай до трёх!» И помчался в обход Валеры.

Я налетел на него с тыла и рывкнул: «А!» Он испугался, а потом обрадовался и стал показывать свою плотину — он плотину строил.

По-моему, Валера забыл, что мы поссорились. Хорошо, что я помнил. Я ему сказал: давай скорей мириться, а то меня мама ждёт. Мы сцепились мизинцами и запели: «Мирись, мирись, мирись! И больше не дерись...» После мира я ему ещё кое-что сказал и бегом вернулся к маме.

— Сколько насчитала?

— Два с половиной, — сказала мама. — Помирились?

Вы что, часто ссоритесь?

— Ничего не часто. Раз два в день.

— А чего ты ему шептал?

— Это я тебе не могу сказать.

— Тайна?

— Другое. Он на меня почему обиделся? Лариса Сидорвна читала нам, как фашисты людей убивали ни за что и мучали. Мы во время сна не спали, а когда Ларису Сидоровну позвали к телефону, стали опять про это разговаривать. Что сейчас ещё в некоторых буржуйских странах остались фашисты.

— Гады они, — сказал Валера.

— Сволочи, — добавил Лёнька. — И дураки.

Я подумал и сказал:

— Это ещё мало. Они знаешь кто? Подожди, сейчас скажу.

Я набул тапки, подошёл к Лёнькиной кровати и сказал ему на ухо.

— Точно! — согласился Лёнька. — Даже хуже.

Вова попросил: «Вслух скажи!»

— Вслух нельзя, я тебе лучше так скажу...

Я и ему на ухо сказал.

— И мне! — закричал Гена, а за ним Андрей, Слава, Петя. Я им всем сказал, а Валере не успел: Лариса Сидорова вернулась и заругалась, что я хожу. Валера обиделся и сказал, что не водится. Я ему объяснял: твоя раскладушка за сто километров от моей, возле самого окна, я туда просто дойти не успел! А он: «А почему ты меня оставил самого последнего?» Но сейчас я ему сказал, и мы помирились. Всё в порядке!

— А по-моему, не всё, — сказала мама. — Как думаешь, фашисты сильно пострадали от твоей ругани?

— Как они могли пострадать? Они и не узнают, что я про них ругался!

— Вот именно! А если узнают, только обрадуются, что в советской стране нашёлся глупый мальчик, который повторяет за хулиганами плохие слова. Тот, кто привыкнет повторять хулиганские слова, может пойти и на хулиганский поступок...

— Я не пойду на поступок! — закричал я. — Я ругаюсь только на фашистов, потому что они правда гады.

— Всё равно не надо ругаться. Фашистам от твоей ругани ни жарко, ни холодно. Ненависть к фашизму доказывают делом, а не хулиганскими словами.

— Но мама! Какие у меня могут быть дела против фашистов, пока я не совсем вырос?

— Очень даже большие! — сказала мама. — Ты ведь не просто мой сынок Антоша — ты маленький гражданин СССР. Когда фашисты узнают, что советские дети растут смелыми, честными, умными, здоровыми — они зеленеют от злости.

А ты, например, одеваешься полчаса, и скажи, пожалуйста, когда ты делал зарядку в последний раз? Позавчера! Фашистам только того и надо: «Пусть советские дети ленятся, не занимаются физкультурой! Они будут слабые, плохие из них выйдут бойцы, защитники Родины. Тут-то мы на них и нападём!»

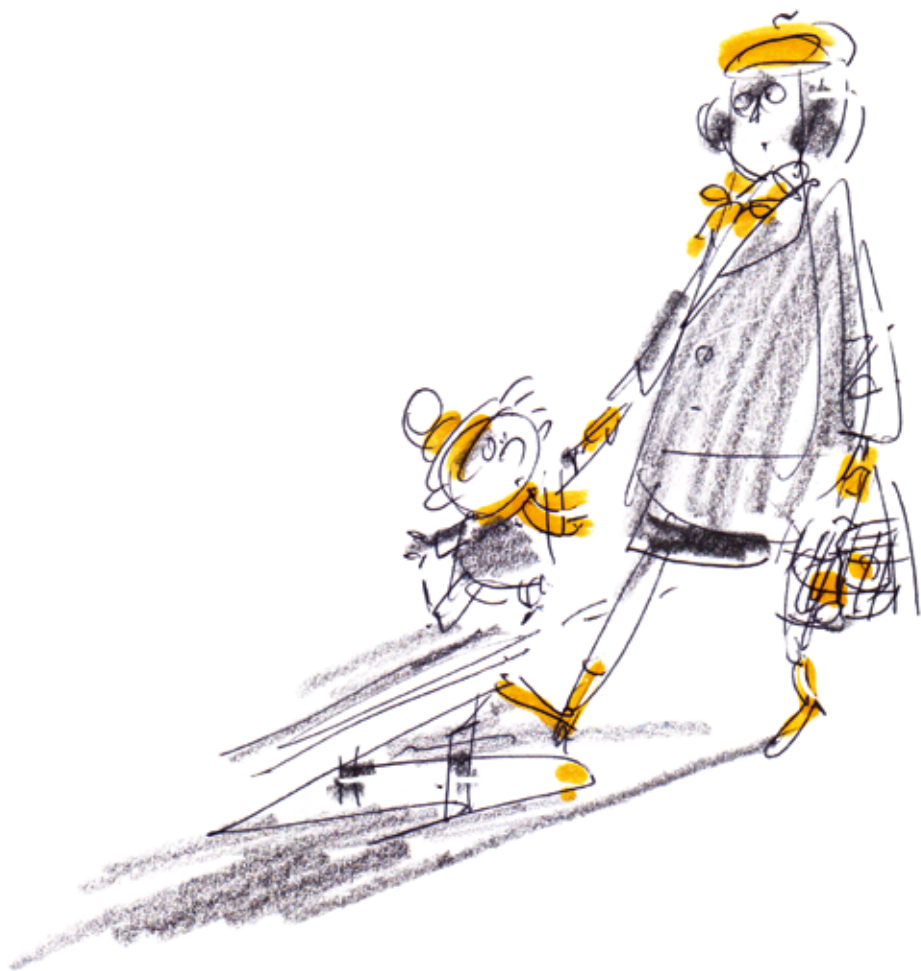
— Всё-таки они нас не победят, даже если я зарядку не всегда делаю, — сказал я.

— Не победят, — согласилась мама. — Но без тебя нашим победить будет труднее! А тебя, если ты будешь по-прежнему медленно есть и не спать днём, могут просто не взять в бойцы!

— Насчёт сна я не виноват, — сказал я. — Я один раз до тыщи слонов досчитал и не уснул.

— Научись, по крайней мере, лежать спокойно и другим не мешай, — сказала мама.

Так мы поговорили. Всё было хорошо. Но потом мама спросила, что нового. Я сказал: две новости. Лариса Сидоровна учит свой экзамен, и с нами до обеда была Нина Ивановна из малышей, а после обеда — Галина Евгеньевна из средней. Вторая новость ещё лучше: сегодня все ребята были такие плохие, надоедали воспитателям, я один был хороший!

Мама говорит:

— Ты что-то спутал, так не бывает. Почему ты думаешь, что один ты хороший?

— Потому! Мы опоздали на обед, и все ребята за столом кричали: «Хочу в туалет!» А я молчал. Галина Евгеньевна всех наказала, посадила на стульчики у стены, а мне одному сказала: «Ты можешь играть». И я играл! А ребята смотрели и завидовали... Что же ты, мамочка, не радуешься? Ты, может, думаешь, я до сих пор терплю? Нет, я — уже. Я ещё до обеда был уже: на прогулке.

— Послушай, — спросила мама, — а тебе не захотелось посидеть на стульчике вместе со всеми ребятами?

— Что я, дурак? — обиделся я. — Они надоедали, а я должен сидеть? И как я мог не послушать Галину Евгеньевну? Она сказала: «Иди играй». Я и пошёл... Я думал, ты меня похвалишь, а ты сердишься, я же вижу. За что? Вчера я воду пил и ругался — ты и то не сердилась. А сегодня я слушался, а ты сердишься!

— Да, сержусь, — сказала мама. — Из-за чего — объяснять не стану. Сам обдумай своё сегодняшнее поведение.

— Я и так думаю изо всех сил!

— Значит, не умеешь думать. Слушаться, а чаще — не слушаться научился, а вот думать...

— А как научиться?

— Думай!

Я чуть не заплакал. На моё счастье, папа с работы пришёл. Я спросил: «Папа! Ты умеешь думать?» Он говорит: «Учусь». — «Давно?» — «Последние тридцать лет». Я испугался: что же со мной будет, если я столько буду думать? Но поглядел на папу и успокоился: вот ведь он думает уже тридцать лет — и ничего, даже незаметно. Ладно, и я попробую.

Кто в Америке президент?

Наконец-то папа вернулся из командировки и пошёл умываться.

Я еле дождался, пока он вылез из ванной, сел ужинать и спросил:

— Ну, какие новости?

— Много! Пока ты, папочка, летал, у меня было «эхо».

— Было? А сейчас куда подевалось?

— Прошло.

— Очень интересно, хотя совершенно непонятно.

— Ты, папка, «эхо» не знаешь? — догадался я.

— Мне казалось, знаю. В детстве учил: «Ревёт ли зверь в лесу глухом, трубит ли рог, гремит ли гром...» Ну и так далее.

— Да ты что, папа! Это же совсем не такое! «Эхо» — болезнь¹. Понял? Нормальный вирусный грипп, только живот болит и в прыщах.

— Ты болел? Не шутишь?

— Хорошенькие шуточки! Десять дней в детский коллектив не ходил!

Папа засмеялся и спросил:

— Сейчас-то ходишь, надеюсь?

— Хожу-хожу, подожди, не перебивай.

— Извини, больше не стану мешать. Значит, ты десять дней не ходил в детский сад. И что же?

— А то же! Ребята за это время выучили к Восьмое марта новые движения в «Звёздочке»: когда руки подымать, когда на одну коленку становиться. А я не был. Пришёл на занятия и не знаю, чего делать. И тогда меня выключили из луча. Музыкальный работник сказала: «Антон болеть будет, сколько захочет, а мы что, его ждать должны?»

Я чуть не заплакал. Разве я виноват, что «эхо»?

После занятий я не полетел с ребятами на Марс, а просто стоял у окна. Лариса Сидоровна спрашивает:

— Ты чего нос повесил?

Я ей сказал.

Она говорит:

— Хочешь к празднику стихи выучить? Про героев космоса?

Я согласился.

¹ Аббревиатурой «ЭХО» обозначали одну из разновидностей острой вирусной инфекции (от английского ECHO, Enteric Cytopathic Human Orphan). Этот диагноз в своё время ставили с той же лёгкостью, как потом «ОРЗ», а позже — «ОРВИ».

— Вот и хорошо, — сказала Лариса Сидоровна. — Я тебе слова спишу.

А Лёнька говорит:

— Спорим, ты, Антошка-картошка, реветь хотел?

Я говорю:

— Ладно-ладно, помолчи, а то дам!

Он запел:

— Ой-ёй-ёй! Девчонка, из-за луча ревет! А хочешь, я тебе расскажу, что на празднике будет?

Я хотел ему врезать за «девчонку», но передумал и спросил:

— Ты-то откуда знаешь, что там будет?

Лёнька говорит:

— Да я в нашем микрорайоне в пятый сад хожу! Слушай, сначала будет «Детство золотое». Ну, песня, знаешь?

Потом пойдём парами и станем поднимать флажки.

Потом девчонки станцуют.

Потом — стихи. Но самое интересное... Да ты слушай! Самое интересное — репка. Спорим, в ней подарки! После Мышки раздавать будут.

И знаешь, папочка, Лёнька всё наврал! Сначала были стихи, а потом уже танцы. И репка. Праздник был замечательный...

Заведующая Елена Ивановна поздравляла, а мы кричали:

«Ура!» И я вам с мамой подарочное яблоко и две «Ну-ка, отними!» оставил. Бери! У яблока кожа немножко сморщилась, но это ничего, оно внутри вкусное. Мне Лёнька от своего откусить давал...

— Большое спасибо. Всё рассказал?

Папа так спросил потому, что мама подошла, и было видно, что она ждёт не дождётся с папой поговорить. Про взрослые дела.

— Всё-всё. Теперь только я тебя спрошу, а ты, мама, не подмаргивай, что «папочка, бедный, устал, отпусти его, Антоша, отдохнуть». И вот он приехал, и я у него спрашиваю, раз ты не знаешь. Папа! Кто в Америке президент?

— Да, — сказал папа. — Серьёзный вопрос.

— Нет, ты скажи, кто?

— Вообще-то Никсон. А теперь я спрошу: кто такой президент?

— Ты же сам только что сказал: Никсон.

— Ты, Антон, хитёр. Но и я не лыком шит. Хорошо, спрошу по-другому: кого называют президентом?

— Кого-кого... Ну, буржуя. Да ты, папочка, не волнуйся, так не спрашивают. Спрашивают просто: кто в Америке президент? И я теперь знаю: Никсон. Блеск!

— Я теперь, кажется, действительно начинаю волноваться. Кто и зачем спрашивает про такие вещи — тебя?

— Не одного меня! Павлика из средней группы спросили, он знал и чемпиона мира по стоклеточным шашкам, и про подводное землетрясение. Конечно, он читает, как взрослый, и его примут!

Куда-куда... В школу. Почему вопросы? Потому что это не простая школа, а английская, понял? Там ещё не такое спрашивают. Галина Евгеньевна из средней группы сказала, что каждому, кто соображает, надо туда готовиться. И рассказала, какие вопросы задают, кто поступает. Про президента и про бабочек: полезные они или вредные?

Потому Галина Евгеньевна, что она из средней группы, я же тебе говорил, а Лариса Сидоровна заболела, и она с нами сегодня гуляла. Да не могла Лариса Сидоровна гулять, у неё температура! Галина Евгеньевна гуляла и всё рассказывала.

Как в прошлом году детсадовские братья и сёстры поступали. Понял? Один мальчик умел считать до тыщи туда и обратно — его приняли. А другая девочка ничего не умела. Её спросили: «Ты почему хочешь к нам в школу?» — Она ответила: «Мне мама велела сказать, что я люблю английский язык». И заревела. Но её тоже приняли.

А Мишку не взяли, у него аденоиды второй степени, влияют на произношение. А Санька из пятого подъезда, оказывается, оглох. Никто этого не замечал. Я сам его видал, он был как нормальный, разговаривал и мне отвечал. Значит, слышал, если отвечал? А пришёл приниматься, его проверили и говорят: «Ужас! У вашего ребёнка абсолютно нет слуха».

А Таня взяла английского учителя. Не знаешь Таню? Ну, её в «Репке» Жучкой назначали. Ты не был на празднике, я забыл! Таня уже выучила стихотворение и меня научила: «Литыл маус, литыл маус, верис йоорхаус?»

— Остановись, Антон!

Но я уже разогнался и знал: пока не кончу, не смогу остановиться.

— Подожди, папочка, я тебе только расскажу, про что стих. Мне Гена Лапкин на общественных началах объяснил: «Маленькая мышь, маленькая мышь, где есть твой дом? Маленькая кошка, оставайся-ка ты лучше в своей квартире...» А Лёнька говорит: «Чихал я на Таньку с её англичанином. Я, если захочу...»

Тут я зацепил локтем чайник с заваркой, и он треснулся об пол. И я сразу остановился. Потому что это был не просто чайник, а подарок маме с папой от тёти Сони, когда они женились. И когда я посмотрел на своих родителей, то увидел: они глядят на меня с испугом и горем. И молчат.

Я скорей сказал:

— Я не нарочно!

— Фу, — сказал папа. — До чего же ты нас напугал!

Вот так да: он не сердился! Оставалась мама. Но с мамой помириться — чепуховое дело, потому что я с детства её любимчик. Надо подбежать, схватиться за маму и не отпустить, пока она не наклонится меня поцеловать. Матери все целуются!

Я зашептал:

— Честное слово, я нечаянно!

А мама мне в ответ:

— Конечно, конечно...

А пока мы шептались, папа ползал под столом, собирал кусочки чайника и ворчал:

— Сегодня все мы из-за тебя будем «нечаянные»: чай-то не в чем заваривать!

А на самом деле — не из-за меня, а из-за президента.

...Я лежу и злюсь. Шёпотом, чтобы никто не слышал. Полдевятого, а меня засунули в постель, как какого-нибудь двухлетнего. Неужели так будет всегда? После истории с американским президентом и тётисониным чайником мама с папой решили, что у меня — нервная система, и стали лечить меня сном.

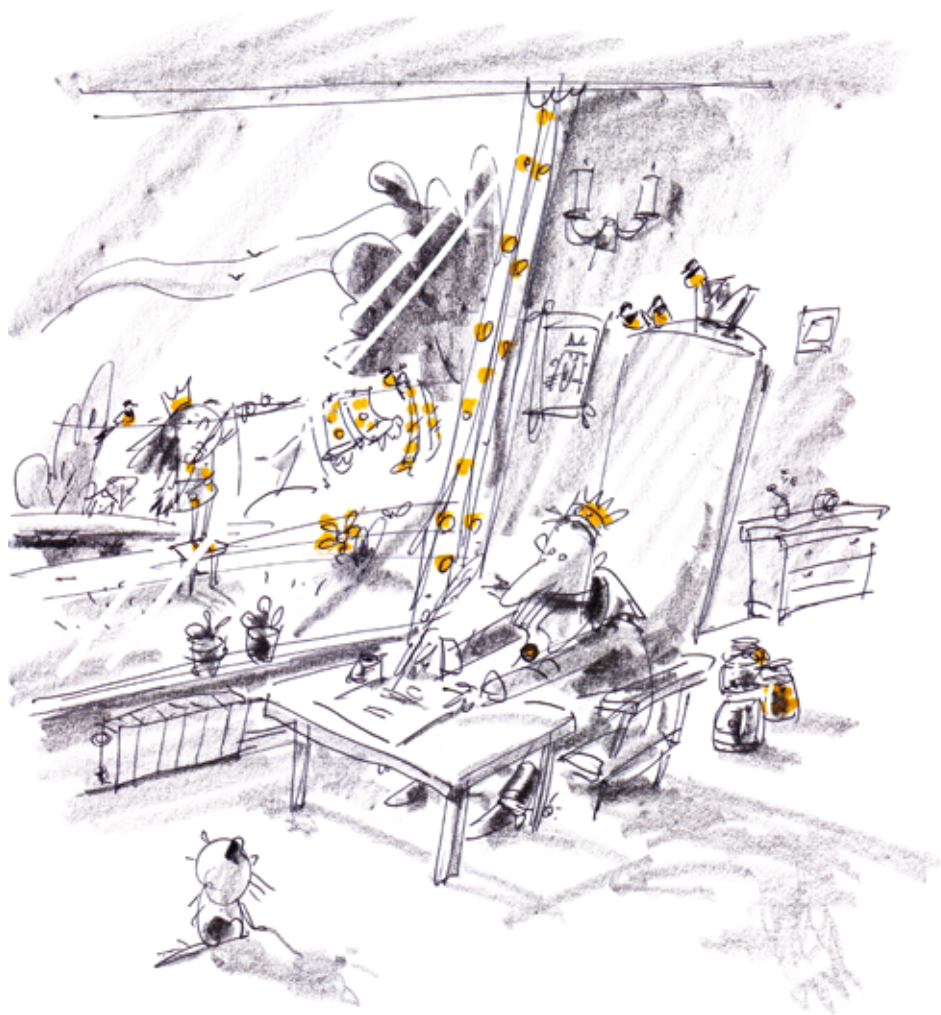
А если я не могу уснуть? «Лежи, отдыхай!» Не поймут: я ведь у с т а ю лежать! Я отдыхаю, когда бегаю!

И вот я лежу и злюсь. А мама с папой сидят за столом и разговаривают тихо-тихо. Но я знаю: про меня. Совсем замолчали. И тут вдруг я услышал — не пойму, какое такое? И ещё раз, и опять... И вдруг — эх, как же я, дурак, сразу не догадался? Это мама с папой вздыхают про меня. Полной грудью. Потому что я теперь хожу в детский сад.

Ладно, придётся спать. Я закрыл глаза. Откуда-то взялась Галина Кузьминична и, подтыкая мне одеяло, сообщила:

— И-эх, милай! Детский сад — малая забота. Осенью школа, вот когда забот прибавится! Не зря говорится: «Литыл маус, литыл маус, верис йоорхаус?» Улавливаешь ход моей мысли?

Я подумал: а ведь правда! За полгода мои родители ещё подрастут, и что я с ними буду делать в первом классе? Особенно с папой?

Пуговица

— Нарисуй пуговицу.

Я насторожился: что он ещё задумал? Обычно, когда я работаю за письменным столом, он приходит, чтобы сообщить: «Папа, у меня к тебе один вопрос...» Тут главное — не реагировать. Это помогает. Иногда. Но пуговица, которую надо нарисовать... К ней я как-то морально не подготовился.

Можно, конечно, сделать вид, что ничего не слышал, и продолжать писать, пока он не уйдёт. С другой стороны, идти-то ему некуда: у жены сегодня конференция, раньше девяти её не жди. С третьей стороны — что такое, в самом деле, пуговица? Это не катамаран, который я рисовал вчера. Может, проще нарисовать ему эту самую пуговицу, и он оставит меня в покое? Я взял чистый лист, молча очертил на нём кружок и украсил его двумя точками.

— И куртку, — быстро сказал сын.

— Что — «куртку»?

— Нарисуй. От этой пуговицы.

Я окружил пуговицу контуром, отдалённо напоминающим печную трубу в разрезе, и мрачно спросил:

— Всё?

— Всё, — ответил сын, любуясь моим искусством. — А где король?

— Король?

— Это же его куртка, — терпеливо объяснил мой собеседник. — Надень.

Уже ничего не пытаюсь понять, я послушно всунул в куртку человечка. Вид у высокородной особы был неважный, но сын глядел на короля с восхищением. Он тут же потребовал для него корону, трон и... авторучку. Это ещё зачем?

— Он пишет чего-то. Мане, — пояснил сын. — Забыл? Сам мне читал: «Где король? На троне. Пишет Мане фест. Королева в спальне, хлеб с вареньем ест. Королевна в парке вешает бельё...»

Вон оно что! Я должен был ни больше ни меньше как проиллюстрировать английскую народную песенку в переводе Маршака. В этой милой песенке действуют, кроме королевской

семейки, семьдесят синичек, сорок семь сорок. И всё наделала одна пуговица.

Да, это была работёнка! Я честно выполнил план по синицам и лишь на семнадцатой сороке сообразил, что стараюсь зря, поскольку мой родной сын умеет считать пока только до шести.

Он наконец ушёл, нежно прижимая к животу моё произведение, главным украшением которого оставалась, конечно, пуговица.

Эпиграмма

Один раз, один-единственный, я не проверила уроки у своего первачка: поздно вернулась в тот день с работы, сын уже спал.

— Ты смотрел его тетрадки?

— Еготетра...

Муж с трудом оторвался от газеты, мучительно соображая, чего от него хотят, а когда понял, нахмурился:

— Ты же знаешь, я против этой мелочной опеки. Я ему сказал: делай уроки сам, нужна будет помощь — обратиться.

— И он обращался?

— Представь себе! По его просьбе — заметь, по его собственной просьбе — я объяснил, что такое «благодаяние».

Или «благоепие»? Одним словом, что-то вроде благосостояния, только на старинный лад.

— Странно. Зачем ему понадобилось «благоепие»?

— В стихотворении встретилось. Я ему Пушкина достал с верхней полки, так он, наверно, с полчаса что-то читал по складам.

— Что он читал, ты, конечно, не поинтересовался.

— Слушай, оставь этот тон. Повторяю: я не считаю нужным ущемлять самостоятельность ребёнка. Ясно?

Всё было ясно. Я достала из ранца Антошкины тетрадки. Что ж, письменные сделаны прилично. Арифметика — просто хорошо. И в тетрадке по чистописанию в основном порядок, только закорючка у «Ц» чудовищно оттопырена. Они вчера начали проходить «Ц»: «цыплёнок, цапля, цирк»...

«Чтение успею проверить утром», — решила я. Но утром не успела.

Вечером сын встретил меня очень гордый:

— Ты знаешь, я сегодня на чтении так отвечал, что мне отметок не хватило.

— То есть?

— Я, наверно, больше чем на пять с плюсом ответил! Инна Викентьевна сама сказала: «Не знаю даже, что тебе ставить». И ничего не поставила!

— Какая Инна Викентьевна?

— Она у старших ведёт русский. Ты её знаешь, мам. Ты её видела, когда была экскурсия в музей. Ты даже с ней разговаривала. Она на этой неделе у нас, потому что Зоя Петровна заболела.

— Так почему она тебе ничего не поставила? Может быть, ты, наоборот, слишком плохо ответил?

— Ну да, плохо! Скажешь тоже. Да я — знаешь как? С выражением! И ни разу не споткнулся! Да Юрка Беляев — и тот четвёрку получил, а он с самого начала запутался. Вышел, начал: «Буря...» — и стоит, чуть не плачет. Его спрашивают: «В чём дело?» А он: «Забыл, чем она небо кроет, вихри снежные крутя».

— Так вот что вам задавали.

— Нет, совсем не то. Нам Пушкина велели.

— Это и есть Пушкин.

— Мало ли! Нам кто какое хочет стихотворение

А.С. Пушкина. Ну, кто чего выберет, поняла?

— Что же ты выбрал?

— Сейчас расскажу. Садись. Ты как будто Инна Викентьевна. Давай, вызывай меня.

— Мухов, — сказала я строгим учительским голосом, стараясь возможно более походить на молодую, подтянутую, немного надменную Инну Викентьевну.

Антон вскочил, просияв глазищами:

— Стихотворение Александра Сергеевича Пушкина. Без названия. «Нет ни в чём вам благодати...» — это значит, ничего хорошего у вас в жизни нету, мне объясняли. Можно, я сначала начну?

Он передохнул и начал, с каждой строкой повышая голос:

Нет ни в чём вам благодати!

С счастьем у вас разлад!!

И прекрасны вы некстати!!!

И умны вы невпопад!!!!

— Ты чего молчишь, ма? Ты же не ты, а Инна Викентьевна.

Спрашивай: «Это тебе мама помогла найти?»

— Мама помогла? — слабым голосом повторила я.

— Нет, папа! — лучезарно улыбнулся сын.

— Можно ещё вопрос, — слегка оправившись, спросила я.

— Давай, — согласился сын.

— Почему ты выбрал именно эту эпиграмму... То есть это стихотворение?

— Ты не догадалась? — поразился он. — Нет, правда?

Ну-у?.. Так легко! Оно же самое короткое.

Гаврилиада

— Не вижу готовности, — сказала Зоя Петровна. — Ромашкин, отвернись от соседа. Шубин, оставь в покое своё ухо. Арамсон, неужели резинка такая вкусная? Перочистка? Тем более. Все сели спокойно, слушают меня. Сколько раз мы с вами рассказывали по картинке... Тебе чего, Ромашкин?

— Сто, Зоя Петровна!

— Что — «сто»?

— Сто раз мы рассказывали по картинке!

— Сядь, Ромашкин. Я тебя ни о чём не спрашиваю.

Я говорю: сколько раз мы рассказывали по картинкам в букваре, а сейчас я хочу, чтобы каждый из вас попробовал сам придумать небольшой рассказ — про природу. Всем понятно задание?

Степан первый поднял руку.

— Внимание, слушаем Крылова, — объявила Зоя Петровна. — Говори, Крылов.

Степан встал и спросил:

— Зоя Петровна! А рисование сегодня будет?

— Будет. Садись. Ты что руку тянешь, Мухов, тоже интересуешься рисованием?

— Нет, я про дядю хочу спросить.

— Про какого ещё дядю?

— Про дядю Сашу. Он, когда приезжал из Сибири, мне рассказывал, как один раз пионеры пошли в тайгу за кедровыми шишками.

Они подошли к кедру и стали бить по нему колотушкой. Но к ним вместо шишек свалился медведь...

— Ух, здорово! — не выдержал Радик Ромашкин. Класс зашумел, переживая.

— Тише, — сказала Зоя Петровна. — Успокойтесь, пожалуйста. Ты, Мухов, можешь сесть. Конечно, очень интересный твой рассказ...

— Да не мой! Мне его дядя Саша рассказал, — запротестовал Антон. — Я как раз хотел спросить: можно, если я не свой, а дяди-Сашин рассказ расскажу?

— Ты уже рассказал, садись. Кто ещё придумал?

— Я! — громко объявила Рина Морковкина. — Я могу рассказать.

От нетерпения она то принималась размахивать поднятой рукой, то ложилась на парту. Если бы Зоя Петровна её не вызвала, Рина, конечно, свалилась бы на пол. Но Зоя Петровна вызвала, и Рина никуда не свалилась, а вскочила и стала рассказывать:

— Один раз пионеры пошли путешествовать в Африку. Они увидели кокосовую пальму и стали её трясти. Но вместо кокосовых орехов на них упала...

— Бегемот? — ахнул Радик.

— Сам ты бегемот, — оскорбилась Рина. Все засмеялись.

— Бегемоты не умеют залезать на пальмы, — рассудил Степан Крылов. — И бегемот — он, а она сказала «упала». Наверно, львица, да?

— Никакая не львица, — снова обиделась Рина, — а гаврила.

— Гаврила? — удивилась Зоя Петровна. — Это что ещё за зверь?

— Я знаю! — завопил Радик. — Это обезьяна такой марки, человекообразная. Ага?

Рина кивнула.

— Горилла! — догадалась Зоя Петровна. — Ты, Морковкина, немного перепутала. Очевидно, ты хотела сказать «горилла». Гаврила — это имя.

Рина опустила голову. Она собиралась плакать.

— А вдруг её так звали — Гаврила? — задумчиво спросил Коля Шубин. — Вот моя бабушка своего кота зовёт Вася.

— Кто её там назвал, на пальме? — опять зашумел Радик. — Твоя бабушка, да?

— Местные жители, — увлечённо объяснил Коля. — Африканцы. Они пришли с пионерами, увидели и сказали: «Вот сидит человекообразная горилла. Давайте, ребята, её назовём!»

— «Назовём»! Да она на них как прыгнет — они её и разглядеть не успели!

— Ну и что? Значит, они потом её назвали, — не сдавался Коля.

— Довольно! — потребовала Зоя Петровна. — Гаврила так Гаврила. В конце концов, не в этом дело. Я другое хочу спросить: не кажется ли вам, что оба рассказа очень уж похожи? Что Морковкина подражала Мухову? Ты, Морковкина, что нам скажешь по этому поводу?

— И совсем я не подражала, — прошептала Рина, снова собираясь пустить слезу. — У Тоши пионеры пошли в лес, а у меня в Африку...

— Все так думают?

— Все! — заорал в ответ Радик.

— И ты, Мухов, такого мнения?

— И я, — согласился Антон. — Она не подражала. Это я подражал. Дяде Саше. А Рина сама всё придумала. Она правильно говорит: у меня пионеры трясли кедр, а у неё — пальму. У меня на них прыгнул медведь, а у неё...

— Гаврила! — ликуя, выдохнул класс.

— Ясно, — сказала Зоя Петровна. — Я только прошу: давайте без хоровой декламации. Высказывайтесь по одному. Кто ещё придумал рассказ?

Весь класс поднял руки.

— Арамсон, отвечай, — разрешила Зоя Петровна.

— Один раз! — с подъёмом начал Юра Арамсон. — Пионеры! Поехали в Антарктиду!

Зоя Петровна без сил опустилась на стул.

Не прошло и получаса, как любознательные пионеры побывали на Кавказе и в Сахаре, в пампасах и на дне океана, на дрейфующей льдине и в джунглях, на палубе корабля и в подземной пещере... Они последовательно трясли: гору, пирамиду, кактус, морскую капусту, айсберг, лиану, мачту, сталактит, — и оттуда на них валились дикие козы, ящерицы, змеи, акулы, пингвины, крокодилы, чайки, летучие мыши... В точном соответствии с правилами игры всех этих представителей животного мира звали Гаврилами.

Когда завуч, привлечённый шумом в 1-м «Б», открыл дверь в класс, его приветствовали, поднявшись из-за парт, тридцать

бывалых путешественников, проникших в Страну Разбуженного Воображения. Тридцать Колумбов встретили его появление рассеянными-вдохновенными взорами. Мухов так и встал, как сидел — с поднятой рукой.

— Чего тебе? — поинтересовался завуч.

— А можно — моего медведя пусть тоже зовут Гаврилой? Хотя он не мой, а дяди-Сашин, — не забыл добавить честный Антон.

Спасительный звонок поставил точку в Гаврилиаде 1-го «Б».

Паспорт

Когда Галинка родилась, все вокруг неё толпились и кричали: «Галочка! Золотко!» А на меня — ноль внимания, как будто я уже умер. Я перестал чистить зубы, три дня не ел яблоко — так хоть бы слово кто сказал! И я, дурак, злился. А мне радоваться надо было. Потому что, когда про меня вспомнили, стало в тыщу раз хуже. Шагу не ступить. Чуть что: «Ты куда? На улицу не пойдёшь, темно. Пусть другим разрешают сколько угодно, а за тебя, пока ты ещё не получил паспорт, отвечают родители».

Я теперь только и слышу:

- Пока ты не получил паспорт...
- Пока ты не получил...
- Пока ты не...

Надоело.

Гулять меня пускают только днём, вместе с малышами. И я ещё должен докладывать каждый раз: где буду гулять? С кем? Да откуда я знаю, с кем! Кто будет из нормальных ребят, с теми и пойдём. Куда захотим. Может, в траншею прыгать. А может, за гараж, где костры жгут. Тоже хорошее место.

Но попробуйте объяснить так вот, по-человечески. Чего тут начнётся!

Ой, в траншее, наверно, кабель высокого напряжения, а костёр — это вообще ужас, и я, видите ли, должен дать честное октябрятское, что не подойду к костру ближе чем на три метра. Что у меня, сантиметр в кармане? Откуда я узнаю, на три метра подошёл или на два восемьдесят пять сантиметров?

Измучился я с матерью. А тут ещё баба Лина повадилась звонить по три раза в день и убеждать маму, что я похудел, побледнел и скоро стану заброшенным беспризорником.

Даже папа — вот уж от кого не ожидал! — взял новую моду: проверяет уроки и сам отметки ставит. За две ошибки у него полагается двойка, за три — кол. Знаю, что не по правде отметка, а всё равно неприятно.

Что же получается, товарищи? Человек только привык к самостоятельной жизни, а его так донимают.

Вот сегодня. Пришёл из школы — у нас дядя Коля с тётей Клавой. Я обрадовался, говорю: «Здравствуйте! Mam, можно я пойду к Лёньке уроки делать, чтобы гости меня не отвлекали?» Мама мне: «Думай, что говоришь». А потом сказала: «Что же ты сидишь? Ешь скорее, раз собрался к Лёньке, да беги. И хлеба купи на обратном пути. Батон за тринадцать. Вот полтинник».

Я говорю: «Вас понял, давай сюда полтинник. Тридцать копеек верну в целости и сохранности». Дядя Коля удивился: «Почему это тридцать? Пятьдесят минус тринадцать будет тридцать семь. Семь-то копеек куда, к себе в карман?» Я говорю: «Ничего не в карман, а на и н и ц и а т и в у!» Тут он прямо глаза вылупил: «Чего?»»

Тётя Клава вступилась: «Николай, ну какое твоё дело?» Мама стала им объяснять, что, если мне не выделить эти семь копеек, хуже будет. Я тогда могу нечаянно истратить больше.

Это правда. Я очень люблю тратить сдачу. Я сколько хочешь сдачи могу истратить за одну секунду. То халвы купишь в кондитерском отделе, то драже. А один раз у меня от рубля осталось девяносто две копейки, так я и то домой пустой пришёл! Мама спрашивает: «Опять проявил инициативу?» А как я мог не проявить, если около самой булочной редиску продавали? Я на все купил, сколько денег хватило.

А потом отдал. Старушке одной. Я её встретил. Иду себе, напеваю, а навстречу мне старушка. Такая бедная, грустная. Я ей тогда говорю: «Бабушка. Хотите редисочки? Бесплатно!» Она и взяла.

Рассказала им мама про редиску или нет — не знаю: я сразу ушёл. А когда вернулся, гостей уже не было. И Галинка спала. Мама сразу:

— Где был?

Я говорю:

— Так уроков знаешь сколько задают? Но ты не беспокойся, я хорошо сделал. По русскому всего одно исправление: я сначала «камета» написал, думал — от слова «камень».

А по арифмеше...

Но мама не дослушала.

— Ты на вопрос отвечай: где был? Ах, у Лёни! Как же вы готовили уроки в полной тьме?

Вот те и раз! Я совсем забыл, что из наших окон видны ихние! На всякий случай сказал: «А м о ж е т б ы т ь, окна были зашторены?» Но мама так на меня посмотрела! Пришлось рассказать.

Вообще, ничего особенного не случилось. Я, как взял полтинник, поскорей оделся, схватил ранец и припустился. А Лёнька — вот что значит друг с детского сада! — увидел из окна и замахал, запрыгал и выскочил мне навстречу из подъезда в одном тренировочном, хотя и мороз, и мы стали обниматься, и так, обнявшись, подошли к его двери и вдруг видим — дверь не открывается. Оказывается, он её захлопнул нечаянно. От радости, что я иду.

Что делать? Лёнькина мама раньше семи не придёт. К нам идти — так гости. И Галинка. Я-то привык, а Лёнька не сможет уроки делать. Она как заведёт своё: «А! Бу! Гу!» Ей как раз сейчас время бодрствовать. Нет, бодрствовать. В общем, не спать. Пойти к Серёге? У него сегодня музыка. Вовка на продлёнке. Остальные все далеко живут, Лёньке не добежать. Он в своём тренировочном костюмчике прямо посинел уже весь. Остался Мишка, но мы его только вчера выключили из нашей команды за трусость. Я на всякий случай сказал: может, бежим к этому? Я его даже не назвал, но Лёнька понял, встрепенулся и крикнул: «Нет! Никогда!»

И я с гордостью подумал: какой у меня принципиальный друг! Он уже зелёный стал от холода, хотя я отдал ему шапку, а пальто он не взял.

Мы стояли и думали. И в ту минуту, когда Лёнька начал становиться белый, а я решил, что всё кончено, мой лучший друг замерзает у меня на глазах, — он вдруг стукнул себя по лбу и заорал:

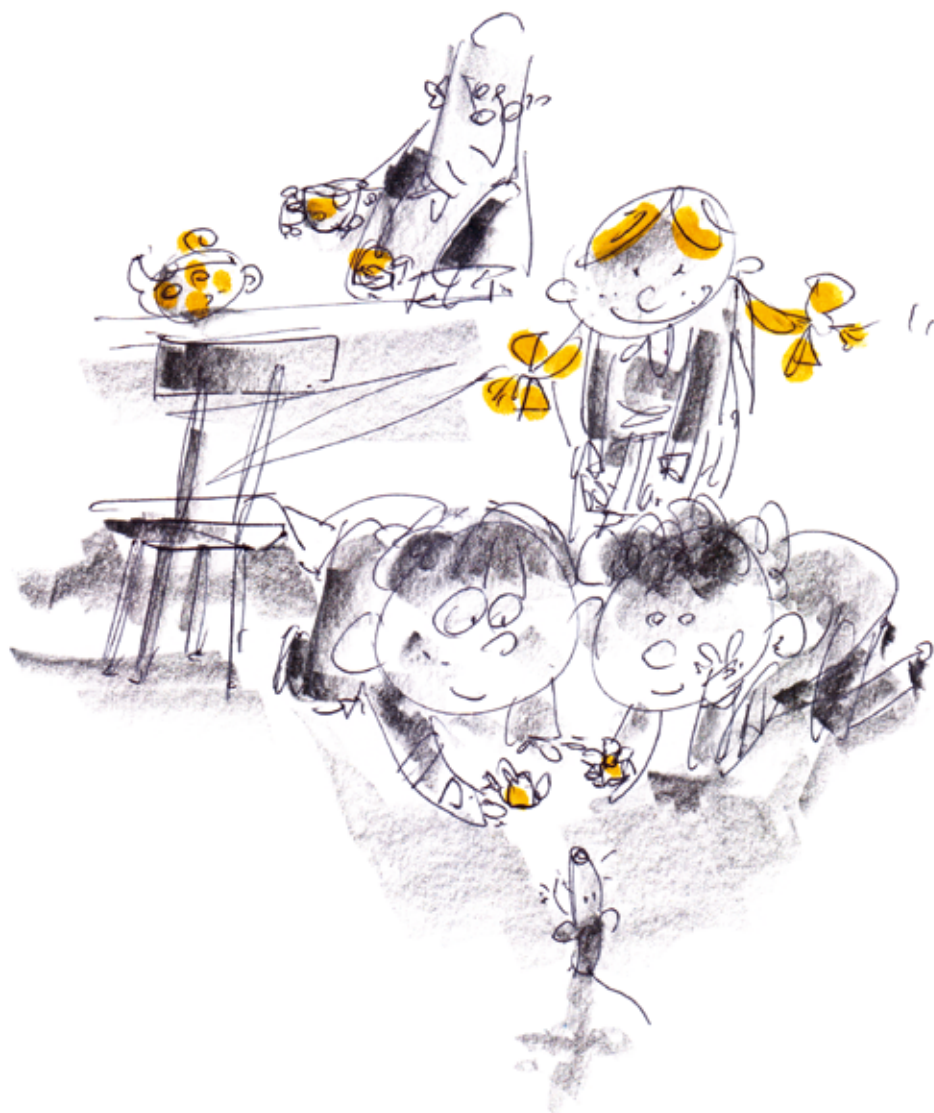
— Будь я проклят, сразу не вспомнил! А Нина! Бежим в то парадное.

Мы понеслись. Я спросил на бегу:

— Разве Ложкина в твоём доме живёт?

У нас в классе одна Нина — Ложкина. Но Лёнька сказал, что никакая не Ложкина, а из 2-го «В», он сам её фамилию не знает. Он с ней в саночных соревнованиях участвовал, и они потом домой вместе шли. Двадцать девятая её квартира.

Дальше пошло нормально. Мы сделали у Нины уроки и ушли. Но мама почему-то сказала, что мы просто нахалы,

не говоря уже о ней! Она все глаза проглядела на тёмные окна, все думы передумала, а я в это время, оказывается, вламываюсь к совершенно незнакомым людям, как этот самый — незванный татарин.

Ужас, чего только она не говорила. Я ей, главное, объяснил:

— Ты, наверно, не поняла. Мы очень хорошо себя вели!

Нам когда Нинин дедушка открыл — у Нины был классный час, она потом пришла — он когда открыл, мы очень вежливо поздоровались. Лёнька даже ушанку мою снял и сказал, что он Нинин знакомый, они вдвоём второе и третье место поделили за катание с горы, и что я его друг, и что у него дверь захлопнулась, а у меня — грудная сестра, и можно мы поэтому у них уроки сделаем?

И мы сделали! Только Лёньке пришлось писать на черновике, он у дедушки бумагу взял, а карандаш я ему свой дал. А когда Нина пришла, она сначала Лёньку не узнала, но потом вспомнила и говорит: «А-а-а! Это ты!»

И мы все вместе пили чай с калорийками и сырком «Дружба» и Кузьку кормили. Кузька — это их домашний крысёнок, да ты не волнуйся, он не какой-нибудь там инфекционный неизвестного происхождения — он ручной, весь беленький, а глазки красные. Он у Нины на руке сидел и моргал. А когда мы уходили, дедушка звал нас ещё. Сказал, что скучает без мужского общества.

Вот так я маме сказал слово в слово. Ну, скажите, что такого мы сделали? Но мама рассердилась и ругала меня, наверное, час. Или полчаса. Я точно не знаю. Во всяком случае, Лёнька успел переписать уроки с черновика в тетрадки и пришёл звать меня гулять.

Но мама заявила, что я никуда не пойду. И к Лёньке делать уроки тоже никогда не пойду. И что мы с ним безобразно себя вели. И вообще, на улице темно.

Пока мама обзывала нас нахалами, я ничего, терпел. Но когда сказала про темноту — обиделся. Опять! Опять мама обходится со мной, как с деточкой. Когда она поймёт, что я давно уже не маленький?

Я хотел всё это высказать, но тут Галинка завякала, и мама скорей к ней пошла.

И мы остались вдвоём с другом.

Я его спросил:

— Слушай, во сколько дают паспорт, в шестнадцать?

Жалко, долго ещё...

Лёнька удивился:

— Зачем тебе?

Я сказал:

— Так просто.

Лёнька решил, что я от огорчения малость спятил.

Он покрутил пальцем у виска, вздохнул и ушёл. А я продолжал думать. Ладно-ладно, потерплю. Осталось шесть лет, четыре месяца и три дня. Она к тому времени, конечно, всё забудет. Но не я! Пусть тогда скажет: «Не ходи гулять в темноту!»
А я ей паспорт — пожалуйста!

Без обоюдности

Не очень-то приятно вспоминать про это, но я решил с сегодняшнего дня записывать все свои неудачи, чтобы учиться на ошибках. Таким образом, у меня в жизни будет всё меньше и меньше ошибок, пока я их все не прикончу.

Началось с того, что Гошка сказал, что Верочка намекнула, что она в меня хочет влюбиться. И пошло! В тот же день Серёня разболтал троим полужнакомым мне парням. Я особенно обиделся, что он Синему сказал. Это у него рубаха синяя, а вообще-то он Юрка, противный до чего — ужас. Хвалится своим «Спутником». Он, видите ли, так быстро гнал, что муху съел. Да мне бы его велосипед, я бы не одну — сто мух проглотил! Вообще, дурак он, хотя не маленький: в пятый перешёл.

Ох и разозлился я на них: на Гошку, Серёжу, Синего, а больше всех — на эту самую Верочку-Веверочку! Главное, её и обозвать никак нельзя. Скажешь «Верка» — подумают про Верку-дылду. А эту — «Верочка» да «Верочка», иначе и не зовут. Она «росточком не вышла» — так её бабушка говорит. Да она от горшка два вершка, за первоклашку сойдёт, а тоже мне — влюбляется!

Ну, погоди, думаю. Пошёл и репейника ей в косы накидал. А потом в пруду поднырнул незаметно, да как гаркну: «Утоплю!» Она испугалась и забулькала. Там место ерундовое, полметра над головой, но, на мою беду, она купалась не одна, а с тёткой. Я её просто не заметил. Тётка нажаловалась моим родителям, и у меня с ними произошёл разговор.

Папа:

— Ты совсем распустился. Девочка из-за тебя чуть не утонула. Что за дурацкие шутки?

Я:

— Так ей и надо! Тебе очень приятно будет, если в тебя кто-то захочет влюбиться?

Мама:

— Ничего не понимаю. В папу кому-то захотелось влюбиться? Или в тебя?

Я:

— В меня, конечно. Но — без обоюдности. Честное пионерское — без!

Сам не знаю, откуда я это слово взял. Вычитал где-нибудь, наверно. И вот я стою и твержу, как попугай: «Без обоюдности!» И понимаю, что проболтался.

А я не хотел говорить. Я не забыл, как Наташкина мать целую четверть не вылезала из школы, всё выясняла: целовалась её любезная Наташечка с Димкой-ушастым или нет? Вдруг бы и мои родители подумали, что я — того?

Я сказал:

— А я боялся, вы не поверите, что я ни при чём.

Мама обиделась:

— И часто мы тебе не верим?

По правде сказать, редко. Я даже не помню, когда это было в последний раз. Но тут — кто его знает! Здесь, на даче, все прямо с ума посходили. Только и разговоров: кто за кем ходит да кто на кого смотрит.

И теперь они меня хотят втянуть в свои любовные дела? Не выйдет! Потому что я всю эту ихнюю любовь — сверх-презираю!

Папа говорит:

— Ну чего ты так разошёлся? В конце концов, что она тебе сделала, эта Верочка?

— Я же сказал: собиралась влюбиться. И сейчас ещё собирается. Из-за неё в меня, может, все станут тыкать: «Глядите, в него Верочка втрескалась!»

— Может, станут, а может, и нет. Пока-то что произошло? Собирается влюбиться — это не так страшно.

— Хотя несколько преждевременно, — добавила мама.

— Возможно, — согласился папа. — Но всё-таки это не смертельно. Ну, понравился ты ей, ну и что? Кто кому нравится — это, в конце концов, личное дело каждого.

— Я одного никак не пойму, — это снова мама вмешалась, — в чём всё-таки выражается её отношение к тебе?

Я задумался. Секунд двадцать, наверно, думал и пришёл к выводу: ни в чём. Вот хитрущая, и виду не показывает! Хотя один раз — точно! Было. Крапивой меня стеганула и язык высунула, когда я на велике мимо их калитки мчался.

— А других ребят она не трогает? — спросил папа.

— Ещё как! И Синему попало, и Серёге. А Гошке — ему даже очки сбило, он стал их ловить, упустил руль и чуть в канаву не свалился. Он потому что не умеет одной левой, я его сто раз учил: тут главное не думать, что без правой руки едешь...

Но папа меня остановил.

— Смотри-ка, других она тоже задевает. Выходит, во всех вас захотела влюбиться, а не только в тебя. Так ведь получается?

Я удивился. Но тут же понял:

— Так это она нарочно! Хлещет крапивой всех, а влюбиться хочет в одного меня, Гошка ясно же сказал.

— Это какой Гошка, — засмеялась мама, — не тот ли, который в химической школе?

— Да, — говорю, — тот са...

И тут я остановился как громом поражённый. (Всем известно, что поражает не гром, а молния: там образуется разряд атмосферного электричества с температурой, наверно, две тыщи градусов. Это так просто говорится: «Как громом».)

Итак, я остановился, поражённый. Как я мог забыть! Ещё в первый день нашего приезда Гошка наговорил маме,

что учиться в химической школе. Таких школ четыре на всю Москву, там химия с первого класса, каждый день иностранные делегации, и вообще повышенные требования. Но он, все говорят, довольно-таки способный, и его не думают отчислять, а несколько парней из их класса уже выгнали.

Мама потом объясняла: она почему поверила? Потому что он сказал, у него по химии четвёрка. Мама прямо восхищалась, хотя я до сих пор не понимаю чем. Но мама говорила: химическую школу мог выдумать любой врун, а четвёрку по химии — именно четвёрку, а не пятёрку — только талантливый, поэт (ну скажите, при чём тут ещё поэт?). Мама потом Гошку спрашивала, часто ли он врёт. Он сказал — когда на него находит.

Мама говорит:

— Так я и думала. По вдохновению, значит. А зачем?

— Так верят! — заорал Гошка. — Мне почему-то всегда верят, вот и вы...

Мама поверила, когда ещё не знала, какой он «поэт». Но я-то! Я с ним знаком, слава богу, не первый день — почти три недели! Кажется, за такое время можно узнать человека. Неужели он и меня надул, выдумал про Веверочку?

Завтра припру его к стенке и потребую доказательств. Если соврал — горе ему! Горе тому, кто вздумает обмануть бесстрашного укротителя тритонов! Я напущу моих верных тритончиков ему за шиворот — то-то повертится!

А одного — самого крупного — запечатаю в конверт и заброшу в окошко к Верочке. На всякий случай. Пусть влюбляется, если ей делать больше нечего, но помнит: без обоюдности!

Вертолёт

Моим родителям досталась горящая туристская путёвка. Они обрадовались, только мама горевала, что у меня вот-вот день рождения, и как же я его встречу — без них? Всё-таки они уехали, а я остался с тётёй Лёлей. Это наша дальняя родственница. Мама соседям говорила: муж сестры мужа — её двоюродный брат. В общем, она приехала пожить у нас двенадцать дней, пока я без родителей.

У неё детей нет. И внуков нет. Она одна живёт. А характер строгий. Но вообще-то она добрейший человек. Так мама объясняла.

Три дня мы прожили ничего себе: я читал «Всадника без головы», которого мне родители заранее подарили на день

рождения. А на четвёртый я заскучал. Потому что завтра был мой день рождения, и, если бы не горящая путёвка, мы бы сейчас были все вместе и готовились встречать гостей.

Я и гулять не пошёл. Сел у стола, сижу. Тут заходит тётя Лёля.

— Я не ошибаюсь? У тебя завтра день рождения?

Я говорю:

— Да. Вернее, нет, не ошибаетесь.

— Ну, и что тебе подарить?

Я сначала удивился, потом обрадовался. Дело не в том, что я от неё подарка не ждал.

Меня никогда так не спрашивали! Считалось, что я люблю сюрпризы. А я вертолёт в прошлом году просил-просил — папа говорит: «Ты что, маленький?» И купил конструктор: «Из него вертолёт сам сделаешь». Я собрал — да он не летающий! И вдруг такой случай...

Я спросил:

— Вы правда купите, чего я попрошу?

Тётя Лёля в ответ:

— Если это в пределах моих скромных возможностей.

— А какие ваши возможности?

Она подумала и говорит:

— Три рубля.

Я даже со стула вскочил.

— Тёточка Лёлочка! Да мы с вами ещё сэкономим!

На мороженое. Вертолёт — он всего-навсего два пятьдесят стоит!

Я его сам выбирал и нёс из магазина, и все на нас смотрели. А мальчишки вопили: «Гляди, вертолёт!» Потому что очень легко узнать: ни у кого больше нет такой прекрасной

коробки — треугольником. Дома я им ещё час, наверно, любовался, а потом положил в коробку и говорю:

— Большое вам спасибо, тётя Лёля! Это самый замечательный мой подарок. Мы его сейчас — эх, и запустим!

— Кто это «мы»?

— Мы с Лёнькой. Я за ним забегу.

Тётя Лёля отложила газету, вздохнула и произнесла речь:

— Ты разумный мальчик. Давай договоримся: вертолёт к Лёне нести незачем. Играй дома. Сам. Не думай, что я жадная. Но это хрупкая вещь, труд многих людей. У нас, конечно, постоянно растёт качество продукции, выпускаемой лёгкой промышленностью. И многие товары уже на уровне мировых стандартов. Но я подозреваю, что, если вы со своим Лёнькой вдвоём возьмётесь, никакие стандарты не выдержат.

Всю мою радость как рукой сняло. Мне — ну никакого удовольствия играть одному. И вообще, я считаю: лучше ничего не дарить. А подарили — молчите, не ваше дело, что с подарком будут делать! Но вслух сказать не решился.

Довольно долго я думал, как быть (главное — жалко, такая вещь пропадает!). Постепенно мне в голову пришла одна мысль. Когда тётя Лёля прилегла после обеда отдохнуть, я быстро сбегал к Лёньке и договорился. Теперь всё зависело от него.

Мы только сели полдничать — он тут как тут:

— Здрасьте, тётя Лёля!

— А ты откуда знаешь, что я тётя Лёля?

Лёнька в мою сторону кивает:

— Он сказал. Говорит, вы — его любимая родственница.

Тётя Лёля засмеялась. Но я видел: ей приятно. Пока что дело шло как по маслу. Теперь пришла моя очередь. Я начал:

— Лёнька! А чего ты пришёл?

— Разве я не говорил? У меня сегодня день рождения.

Тётя Лёля удивилась:

— И у тебя?

— Да. Мы с ним эти, двойняшки. Вернее, тёзки. В общем, он во вторник родился, а я — в среду.

Я чувствую, он куда-то не туда заводит разговор.

Я, по правде сказать, с ужасом слушаю, какую дикую чушь

он мелет. Но тётка ничего не замечает. Толкует с Лёнькой о том о сём. Наконец он говорит:

— Совсем забыл! Можно, я свой подарок принесу показать? Мне знаешь что подарили — вертолёт. И тебе вертолёт? Да ну! Какое совпадение!

Я говорю:

— Да. И мне тоже. Вон он!

И показываю на шкаф, где лежит коробка. Пустая! Но тётя Лёля этого не знает, она думает, там покоится в целости-сохранности её подарок.

Лёнька махнул рукой:

— Ладно, не доставай. Я лучше сейчас свой принесу.

Выходит — и через две минуты возвращается. В руках у него мой подарок. И прямо от двери он начинает хвалиться:

— Смотрите, какой у меня...

На этом месте он спотыкается о порог и чуть не роняет вертолёт!

Я на него накинулся:

— «Смотрите»! А сам куда смотришь? Это же хрупкая вещь! И вообще! Люди трудились, старались, а ты?

Тётка моя слушает и умиляется: до чего я прекрасно перевоспитался!

Мы играли всю неделю. Запускали его по очереди. Мы только с ним теперь играли, до самой темноты. А вечером Лёнька забирал вертолёт к себе домой. Я беспокоился, чтобы он не сломал. Лёнька меня утешал:

— Не бойсь! Лучше скажи, твоя старушенция не догадывается?

— Где ей!

— Тогда порядок!

Коробка от вертолѐта по-прежнему пылилась на шкафу. Тѣтка, хотя и вылизывала всю квартиру, туда добраться не могла: роста не хватало, даже если на стуле. Я на это и рассчитывал.

Двенадцать дней прошли, вернулись родители, и скоро вертолѐт занял своё законное место — в коробке. А через месяц мы получили письмо от тѣти Лѣли:

«Как поживает мой подарок? Цел ли? Впрочем, если и нет — всё равно он был сделан на уровне мировых стандартов. Даже лучше. Сколько ему, бедняге, за одну первую неделю досталось!»

Но почему она молчала? Вот чего мы с Лѣнькой никак не поймѣм. А вы не знаете?

Дядя из Коканда

— Ясно? — спросила мама. — Повтори!

— Ясно. Повторяю: на балкон не вылезать, с газом не шутить, в люстру не целиться и оставить, наконец, в покое папин компас — слава богу, я уже не маленький, дубинушка хоть куда, догоняю родителей.

— Вот именно. И не вздумай без нас открыть дверь кому-нибудь. Вон Ольга Даниловна впустила цыганку — и осталась без кольца с бриллиантом.

— Правда? — захохотал папа. — Ну, сын, смотри в оба! За брильянтами!

— По-твоему, если у нас нет драгоценностей, можно открывать любому бандиту!

— Почему обязательно бандиту? В конце концов, пусть спросит, кто там...

— Это невозможно. Что за манера говорить «да», когда мать сказала «нет». При ребёнке!

— Опоздаете, — сказал ребёнок, то есть я. — Пятнадцать минут до начала.

— А ты не вмешивайся во взрослые разговоры, — накинулись на меня родители. Но, между прочим, тут же ушли. Наконец-то!

Я не врал, когда обещал маме не прикасаться к газу и всё такое прочее.

Ракета из диетической скорлупы испытана ещё вчера, к люстре я давно пристрелялся, по компасу определился. Правда, можно было бы спустить с балкона нижнему Лёньке маску-фантомаску, да темно уже. Свечки в глаза воткнуть? Неплохая идея, но свечей нету, их мама куда-то запрятала после того, как я учился пламя глотать. И вообще, у меня на сегодня намечено совсем другое.

Я давно хотел приладить к своему старому ЗИЛу моторчик на батарейках. Для этой цели под шкафом хранился электропаяльник, я его на время раздобыл кое у кого. Родители, конечно, ничего не знали, иначе шуму было бы! Почти неделю я ждал, когда останусь дома один.

Ну, взял я клюшку, подсунул под шкаф, чтобы достать паяльник, и тут в дверь позвонили. Я кричу: «Сейчас! Кто там?» Мне отвечают: «Свои».

Свои так свои — Лёнька, наверно, он у меня вчера «Родную речь» забыл — я уже хотел открыть, но в это время за дверью кто-то как чихнёт! Как бегемот! Или крокодил! Нет, я вам сказать не могу, как кто. Я говорю: «Лёнька,

ты, что ли?» А он мне: «Открывай, там видно будет, Лёнька или не Лёнька!»

Проговорился. А я и сам уже понял, что это не Лёнька. Во-первых, голос не похож, хриплый какой-то, а во-вторых, Лёньке ни в жизнь так не чихнуть. А он — этот, я сам не знаю кто, — шумит за дверью:

— Да открывай скорей! Приехал дядя веник!

Честное слово, так и сказал. Мне смешно стало, я хотел спросить: а тётки метлы у вас с собой случайно нет?

Но вместо этого сказал:

— Какой ещё веник? Я такого не знаю.

— Ты не знаешь, а твои родители знают. Зови их скорей. Нет дома? Вот не везёт. Из Коканда я, понял? Прямо с самолёта — к вам. Да ты откроешь или нет?

Я говорю: нет. Пока мама с папой не придут. Тут он прямо чуть не заплакал:

— Чёрт! И чего я не послал телеграмму? Хочешь сделать людям сюрприз, и вот — торчишь под дверью. А я, брат, простыл ужасно. Слушай, малый, ты бы открыл, а? Не бойся, я, если хочешь знать, твоему отцу — двоюродный брат. Выходит, твой двоюродный дядя.

— Чем докажете?

— Да мы с твоим папкой вместе под стол пешком ходили. Стащим у деда счёты — и ну кататься. Отец, наверное, рассказывал?

Я говорю:

— Может, рассказывал, а может — и нет. Скажите быстро, как папу зовут?

— Виктор Николаевич.

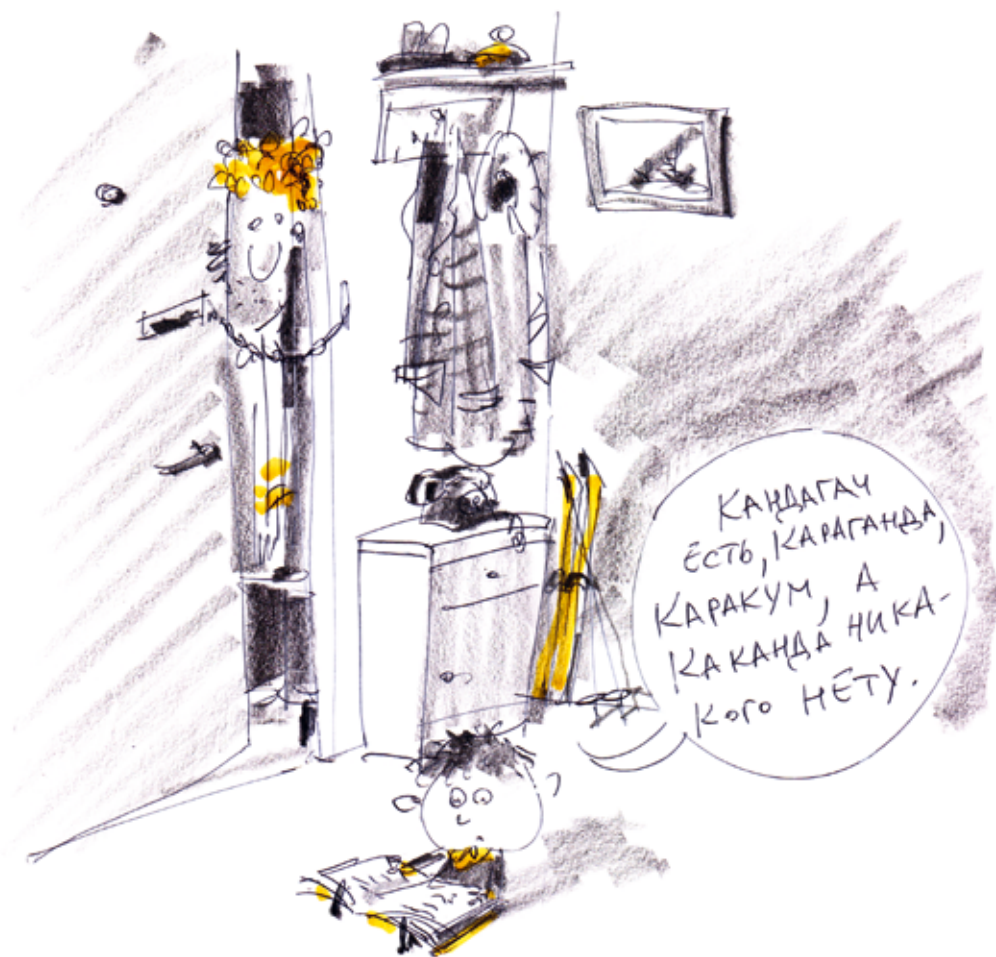
— А маму?

— Шурочка, вернее — Александра Романовна.

— А меня?

— А тебя, извини, не знаю. Я когда у вас в прошлый раз гостил, ты, понимаешь, в проекте только был, ещё даже неизвестно, мальчик или девочка... Убедился теперь?

— Убедился, — говорю, — но не до конца. Из какого вы города? Из Каканда? Погодите, я сейчас.

Притащил краткий энциклопедический словарь и стал искать. И что же? Я такого города не нашёл! Я тогда заложил дверь ещё на цепочку и говорю:

— Значит, вы мой дядя? Из Каканда? А знаете, что такого вашего Каканда вообще нет? Я словарь смотрел. Кандагач есть, Караганда, Каракум, а Каканда никакого нету.

Он кричит:

— Есть! Не на «ка» смотри, чудака-человек, «Коканд» пишется через «о»!

Открыл я на «ко», нашёл.

— Вообще-то да, — говорю, — имеется. Районный центр. А какой республики? Сколько в нём жителей было в 1939 году? Какая промышленность?

Кое-как он мне ответил, на четыре с минусом. И опять я не могу понять: дядя или не дядя? Спрашиваю:

— А почему «веник»?

Говорит, потому что его зовут Вениамин. И чтобы я больше к нему не приставал: он устал и сейчас же ляжет спать — прямо тут, у двери. Слышу — укладывается.

Что делать? Если бы у меня была собака. Или хотя бы крокодилчик, как у Сергея из третьего подъезда. Ему мать с Кубы привезла. Я бы его на этого не то дядю, не то нет напустил — и сиди себе тихо, пока родители придут. А так — опасно. Мама правильно говорила: вдруг бандит?

А если правда — дядя? И он спит в коридоре. На полу? Ужас. Или открыть? Папа говорит — можно, если спросить, кто там. Я спросил. А вдруг он всё наврал? Как бы мне сделать, чтобы и по-маминому выходило, и по-папиному?

И я придумал. Впущу, но буду держать клюшку наготове. В случае чего — трахну изо всех сил!

Открыл дверь и скомандовал:

— Заходите!

На вид он оказался совсем не страшный, только очень рыжий, особенно когда шапку снял. Волосы стояли у него на голове одуванчиком, я даже не знал, что такие бывают.

Увидел он мою клюшку и спрашивает:

— А это зачем?

Я ему вежливо объясняю:

— Так, на всякий случай. Если вы не дядя, а бандит.

— Понятно. И на том спасибо. Где я могу присесть? Устал, брат, сил нет.

Посадил я его у стола, а сам всё смотрю: кто его знает? Может, он нарочно прикидывается, а сам в уме уже составил план, как меня обезоружить!

А клюшка, проклятая, мешает мне, цепляется за мебель, но я её всё равно из рук не выпускаю, так с ней и хожу. Дядя смотрел-смотрел и говорит:

— Бросил бы ты её.

Я говорю:

— Не беспокойтесь, мне и так хорошо.

Тогда он говорит:

— Слушай, я видеть не могу, как ты мучаешься. Свяжи меня, что ли, если боишься.

— А вы не обидитесь?

— Ничего, валяй!

Взял я быстренько два полотенца и привязал его к стулу — за пояс и за ноги. Спрашиваю:

— Не жмёт?

Он говорит:

— Нет, прекрасно.

И ещё говорит:

— Ну как, легче стало?

Ещё бы! Теперь я смог положить клюшку и угостить человека. Налил ему чаю с мёдом — от простуды, конфеты «Мечта» достал. Сидим, чай пьём — красота! Только смотрю — мой гость клюёт носом.

Я кричу:

— Не спите! Нечестно!

Он вздрогнул, зевнул и спросил:

— А почему, собственно, нечестно?

— Потому что я тоже спать хочу. Мне давно пора. Ребёнок моего возраста должен ложиться не позже полдесятого, а сейчас скоро одиннадцать.

Он удивился:

— В чём дело? Спи и ты. Не можешь? А-а! Понял: часовые не спят. Ладно, давай разговаривать. Расскажи-ка что-нибудь. Ты в каком классе? Уже в третьем? Ну, и как живёшь?

А сам снова задремал.

Что мне с ним делать? Тут я вспомнил кино про одного шофёра. Тот, чтобы не уснуть в машине, всегда пел. Кое-как я дядю растолкал:

— Давайте петь!

Он согласился, но у нас сначала ничего не получалось: дядя ни одной нормальной песни не знал. Бился я с ним, бился и говорю:

— Лучше вы запевайте свою, какую знаете, а я буду подпевать.

Он отказывается, говорит, что отстал от жизни, и все его песни — старые, неподходящие. Я говорю:

— Чего там! Ничего. Пойте какие хотите.

Он затянул, я подхватил, и скоро дело пошло на лад. Мы исполнили про нежную красотку — чего только с нею не приключалось! Например, однажды она попала в море невзначай. И острый киль подводной лодки её разрезал на куски. А наутро она уж улыбалась под окошком своим, как всегда. И рука её нежно изгибалась, а из носа у неё текла вода. Ещё мы пели про Виверлея, как он пошёл купаться, оставив дома эту, Доротею, и про Крамбамбули, и про Колораду — Колорада моя, Колорада! И про козла, который сказал, не помню уже кому: «Ты открыла мне глаза, надоела мне коза, в Африку пойду, найду другую, да, да!»

И так мы довольно весело провели время. Главное, не надо было разговаривать, а то я просто не знал: как мне с ним себя вести? Как с дядей? Или как с кем? Только я это успел подумать, а он снова уснул. На этот раз я не смог его добудиться. И я почувствовал, что тоже ужасно хочу спать, что если сейчас же не лягу, то умру. Я сел скорее на тахту, клюшку рядом положил и закрыл глаза — на одну секундочку.

И даже не услышал, как пришли мама с папой, развязали дядю Веника (он всё-таки оказался мой дядя), а меня перенесли в кровать. Папа говорит, что я брыкался и хотел петь «Нежную красотку». Мама спорит, что пел я вовсе «Колораду». Это очень странно, потому что лично мне больше всех понравилась «Крамбамбули», у неё мотив хороший. Вот послушайте:

За то монахи в рай пошли,
Что пили все Крамбамбули,
Крамбам-бим-бам-були,
Крамбамбули!

Подшефный

Мне дали подшефного. Вот не ждал! Ещё вчера я гонял себе по двору, вольный как птица. А сегодня, только вошёл в класс, на меня налетела Нинка:

— Ты у нас в звене один не охвачен общественной работой!

— Ну и что?

— А то! Хватит болтаться без дела. Будешь шефом у своего младшего товарища-первоклассника.

Я заорал: «Ещё чего!» Потому что не поверил. Но оказалось — точно.

Сразу после урока я и ещё двое неохваченных, близнецы Кошкины, спустились на второй этаж. Нинка сказала, там подшефных перваков дают. Заглянули мы в 1-й «Б» — да это же

наш родной бывший класс! Наши цветы на окнах, наша доска и наша Зоя Петровна за учительским столом. Оглянулась и улыбается:

— Пришли? Заходите, не стесняйтесь. Теперь вы мои помощники. Будете помогать мне воспитывать новых учеников.

И позвала:

— Волков, Санин, Долгих! Оставайтесь в классе.

Я подумал: ну и фамилия — Долгих! Не разберёшь — не то мальчишка, не то девчонка. И конечно, этот Долгих достался мне. Слава богу, хоть парень оказался. Маленький такой, аккуратный. А вежливый до чего! Я к нему подошёл, так он сразу:

— Здравствуйте.

Я удивился:

— Ты это мне?

Он говорит:

— Вам.

— А-а! Ну да. Понятно. Здравствуй, здравствуй!

А что ещё сказать — не знаю. То есть ни слова не могу придумать, хоть тресни. А он смотрит.

К счастью, Зоя Петровна спросила, сколько у нас сегодня уроков. Я стал объяснять, что четыре, а завтра — пять... Я готов был рассказать всё наше расписание, чтобы только не молчать. Зоя Петровна сказала — очень хорошо, потому что и у них четыре, и значит, мы сможем идти домой вместе со своими подшефными.

Тут зазвонили на урок, я бросился вверх по лестнице и первый раз в жизни радовался, что домой идти нескоро. Уж за три урока я обязательно придумаю, о чём с ним разговаривать! Но так ничего и не придумал. Я немного надеялся

на братьев Кошкиных. На истории послал им записку. Они просигналили ответ: «Сами не знаем». Тоже мне — близнецы! А на последней перемене Кошкины совсем исчезли. Как сквозь землю провалились. Тогда я один помчался на второй этаж. Ясное дело, эти шустряки были уже там! Их Зоя Петровна успокаивала:

— Я уверена, вы справитесь. Расспросите малышей, не нужна ли им помощь, например, по чтению. Просмотрите их тетрадки и свои покажите. Вашим младшим товарищам всё про вас интересно — они будут на вас равняться.

Теперь я понял, откуда Нинка взяла про «младшего товарища». Вообще, после того как я послушал Зою Петровну, мне стало немного легче.

Всё-таки когда мы с ним встретились после уроков и пошли рядом, то первое время оба молчали. Я всё примерялся, как бы начать разговор, но вовремя смекнул, что, если буду тянуть, он сам первый задаст вопрос — и вдруг я не смогу на него ответить? Поэтому я бухнул первое, что пришло в голову:

— У тебя учебные дела в порядке?

Он ответил: «В порядке». Потом подумал и сказал: «Спасибо». Я тогда говорю:

— А поконкретнее? Сегодня, например, какие у тебя отметки?

— Нам ещё не ставят.

Час от часу не легче! Опять думай, о чём его спросить.

— Вообще-то дело не в отметках, — говорю. — Важно завоевать доверие.

— Как это?

— Очень просто. Тебя, между прочим, как зовут? Игорёк? Ты бы ещё сказал «Игорёчек»! Игорь! Здесь тебе школа,

а не ясли. Так вот, ты не запомнил, когда тебя Зоя Петровна на уроках спрашивает, она говорит «Игорь» или «Долгих»?

Оказалось — по-разному.

— Ну, — говорю, — значит, завоевал, но не совсем. Что-что. Я же сказал: доверие! В ком она уверена, Зоя Петровна никогда по фамилии не назовёт, мы это ещё во втором классе открыли!

Он удивился:

— Правда?

Говорю ему:

— Ещё бы! Я, брат, четвёртый год в школе. В учителях научился разбираться. А вообще-то она добрая, Зоя Петровна. Вам повезло.

Игорь задумался.

Я был рад: думай, думай! Дай хоть немного передохнуть. Но тут мне показалось, что именно сейчас он задаст свой вопрос, и я снова начал:

— Нет ли у тебя трудностей со чтением?

— Не знаю.

— Когда узнаешь — поздно будет. Спросит Зоя Петровна в один прекрасный день: «Что тебя привлекает в Царевне-лягушке?»

— Ничего.

— Что значит «ничего»? Это не ответ! Нас в ней привлекают положительные черты: скромность, находчивость, умелые руки... Лапы? Какие лапы? Вообще-то да, раз она лягушка... Ладно! Пускай умелые лапы. А ещё?

Я прямо взмок, пока мы разобрали эту проклятую лягушку. И решил закругляться. Но ведь Зоя Петровна велела и тетрадки его просмотреть.

— Покажи, как ты пишешь, — говорю, — да не стесняйся, научишься! Я — и то не сразу смог, а теперь пишу — ого! — быстрее всех в классе. Потом покажу.

Сели мы на скамейку. Взял я его тетрадки: одну, другую... Мать честная! Я таких никогда и в руках не держал. У него не то что ни одной ошибки — ни одного исправления нет. Мне сразу расхотелось доставать свои тетради. Хорошо, что он не умеет читать мысли, и я спокойненько так перелистал

всё подряд и говорю: «Ничего. Для первого класса неплохо. А вообще, на сегодня хватит. Мне ещё уроки делать. Нам в четвёртом знаешь сколько задают?»

Спровадил его, а сам немедленно побежал назад. В школу! Сказать Зое Петровне, что произошла ужасная ошибка: мне попался будущий круглый отличник, и нельзя ли, пока не поздно, взять в подшефные кого-нибудь другого, похуже? Но тут я засомневался. Парень он, видно, ничего. Я к нему успел привыкнуть. Пусть даже будущий отличник. С кем не случается? Я в первом классе тоже отличник был. Во второй четверти. И ещё неизвестно, кого мне вместо него подсунут. Тогда — что? Второй раз менять не пойдёшь!

Так я и не дошёл до школы. Повернул назад и поплёлся домой переписывать тетрадку по русскому. А что делать? Обещал ведь показать, как пишу. Можно день откладывать, ну, два, а потом?

И вот я сижу — как дурак! — переписываю уже седьмое упражнение. А родители ходят вокруг меня с градусником: «Что с ребёнком? То не усадишь за уроки, а то третий час из-за стола не вылезает!» И это после того, как я им русским языком объяснил, что совершенно здоров. Я сказал: «Оставьте меня в покое, скажите лучше, у вас были когда-нибудь подшефные? Нет? Так и знал. Тогда мне с вами и говорить нечего».

Им меня не понять. Я сам только сегодня почувствовал, до чего трудно воспитывать своего младшего товарища. А им-то откуда это знать?

Сам себе Степан Петрович

До чего я смешливый! Из-за этого со мной случаются всякие случаи. Например, Маргарита Викторовна объясняет: «Музыку сочинил композитор Штраус». А Нинка повернулась и шепчет: «Композитор страус». Я, конечно, не выдержал, и мне записали: «Безобразно вёл на пении».

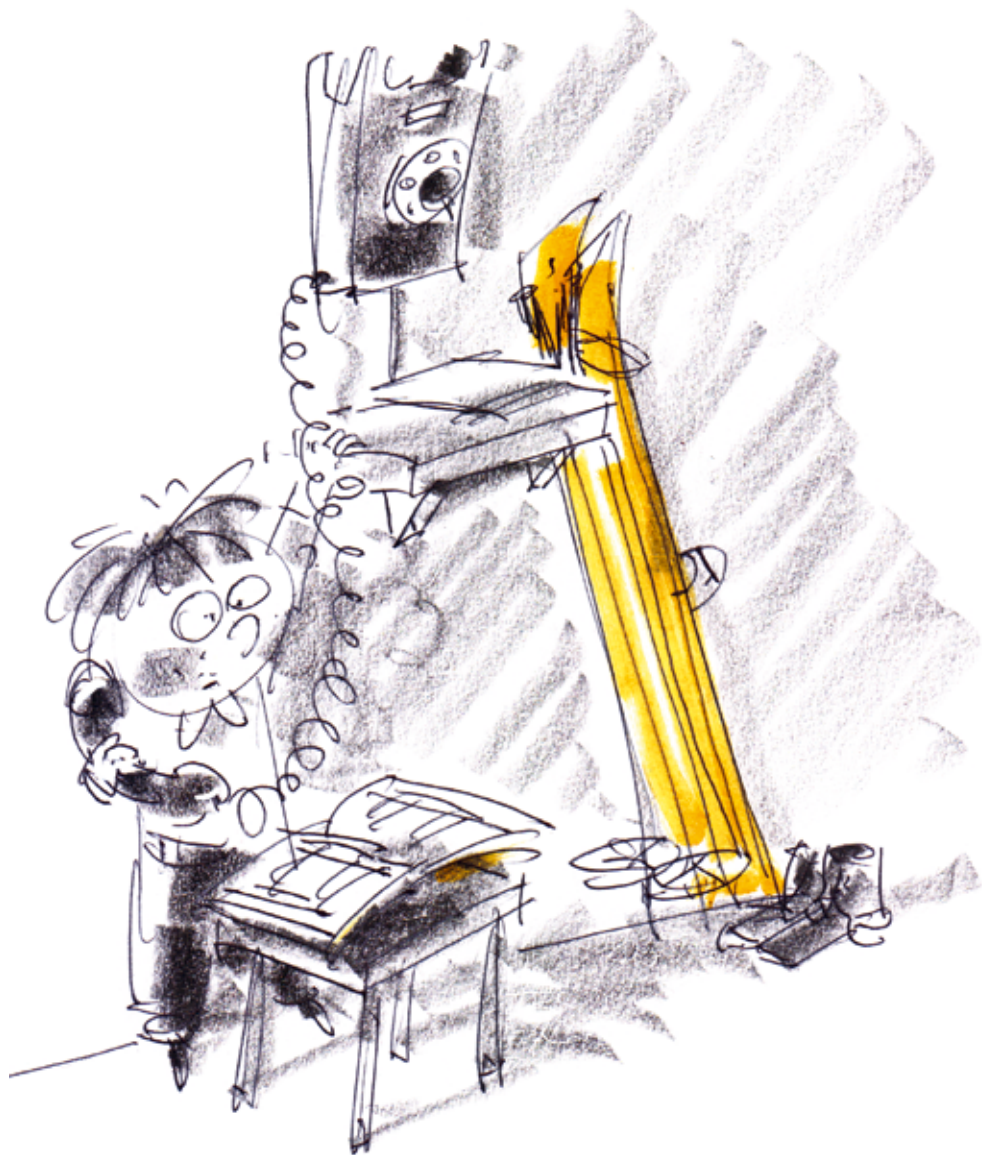
Или Лёнька. Он передо мной сидит и любит ушами двигать. Все ребята хоть бы что, а я никак не привыкну.

Я теперь учусь смеяться внутрь. По системе йогов. Когда выдыхательный импульс, а я усилием воли стараюсь вдыхать.

Немного помогает. Правда, Маргарита Викторовна вчера после урока спросила:

— Ты что всё время хрюкаешь, ребят рассмеиваешь?

Я говорю:

— Я не виноват, что они смеются. Я, наоборот, от смеха сдерживаюсь.

Она удивилась:

— Когда это ты сдерживался?

Но что случилось сегодня! Это, как сказал бы папа, ни в какие ворота. Утром, только я собрался гулять, позвонили. Лёнька, конечно. Ему недавно телефон поставили, он и рад, трезвонит по всякому пустяку. Спрашивает, все ли уроки я сделал.

— Все, — говорю, — привет.

— Да погоди! Скажи, что задано по географии, у меня почему-то не записано.

— Сейчас, — говорю, — посмотрю.

Он завопил:

— Не помнишь? А сказал — все уроки выучил.

— Конечно, все. Кроме географии. И истории. Чего там учить? Я их вообще на перемену иногда оставляю. Вот сейчас, пока буду одеваться, прочитаю разок — и всё. Порядок... Ну, записывай: части света. Знать...

— Всё?

— Нет. После «части света» точка, потом «знать» и ещё какое-то слово. Не могу разобрать.

— Давай по буквам, я разберу.

— Буквы неразборчивые. Не то «копкап», не то «конкан» какой-то...

— Канкан? Танец такой есть, точно тебе говорю.

— «Танец»? При чём тут? География?

— Может, «капкан»? Про охоту чего-нибудь? Например, знать, в каких частях света зверей ловят капканами?

— Сказал тоже!

— Чего ж ты не записал как следует? — разозлился Лёнька.

— А ты чего? Я хоть так записал. Мне, может, Нинка помешала.

К ней в пенал червяк от яблока заполз (по правде сказать, я ему немного помог). Она полезла за ручкой — да как заорёт! Трусиха. Я, например, люблю животных.

— Ладно, — говорит Лёнька, — не расстраивайся. Я сейчас знаешь что сделаю? Я ещё кому-нибудь позвоню, а потом опять тебе.

— Давай, — говорю. — Только быстрее, мне гулять пора. Минуты через две он снова трезвонит.

— Точно, — говорит, — части света заданы — и ничего больше. Слушай, а что ты себе поставишь?

Я и забыл! Степан Петрович объявил прошлый раз, что мы уже выросли, он нам доверяет, поэтому отныне (он так и сказал: «отныне») каждый из нас будет сам ставить в свой дневник отметку за домашнее задание. Мы даже растерялись. Один Лёнька спросил:

— А как же вы, Степан Петрович?

Он засмеялся:

— Что — я? Дома ты сам себе Степан Петрович.

Отметки мы должны ставить карандашом. Синим. Если на уроке не вызовут — отметка остаётся и считается! Если вызовут — Степан Петрович или обводит её чернилами, или ставит поверх свою. Но вызывает он не так уж часто!

Я сразу представил, как прихожу домой, даю родителям подписать дневник, и они ахают: одни пятёрки по географии (потому что — какой дурак поставит сам себе, например, двойку?).

Всё это я вспомнил за одну секунду и говорю Лёньке:

— А ты-то себе уже поставил пятёрку?

— Ещё нет, но сейчас, кажется, поставлю. Я части света хорошо знаю, только выговорить никак не могу эту —

А н т р а к т и д у.

— Антарктиду, а не «Антрактиду». Ладно, и я себе поставлю пять. С минусом.

— Почему с минусом?

— Да неловко как-то самому себе пятёрку ставить, нескромно. Другое дело, если бы он меня вызвал...

И он вызвал! Сегодня же. И первым делом взялся за дневник.

— Что тут? — говорит. — Пятёрка с минусом. А минус за что?

— Он у нас очень скромный! — это Лёнька гаркнул, хотя стоял у самой доски. Он был дежурный и карты развешивал.

Степан Петрович говорит:

— Скромность — прекрасное качество. Что касается пятёрки с минусом, то это, в сущности, где-то между пятёркой и четвёркой. Не так уж плохо. Сейчас поглядим, сколько ты на самом деле заслужил, четыре или пять. Вот это — какая часть света?

Я повернулся — и обомлел. Вместо нормальной карты полушарий этот негодяй Лёнька нацепил на стену громадный лист, на котором были в беспорядке перемешаны все части света — без единого названия! Они какие-то голые сразу стали, сиротливые, сами на себя не похожие. Та, про которую Степан Петрович спросил, была вроде большого куска льда. Бесформенная глыба и осколки от неё. Австралия? Или, наоборот, «Антрактида»? Даже в эту суровую минуту я усмехнулся — такой уж у меня характер!

— Так что же? — сказал Степан Петрович.

Меня тоска взяла. Я снова взглянул на карту и вдруг увидел рядом со своей «Австралией-Антарктидой» что-то знакомое. Как будто кобура здоровенная. И я решился:

— Я вот эту знаю! Африка. Пистолет на поясе у земного шара.

— Меткое наблюдение, — похвалил Степан Петрович, и у меня язык не повернулся сказать, что про пистолет я не сам придумал, а взял из одной книжки — «посторонней книжки», по мнению мамы: «Чем постороннюю книжку читать, учил бы уроки». Вот тебе и посторонняя! Да она меня спасла!

Степан Петрович поставил мне всё-таки трёшку, «исключительно за творческое воображение».

Сел я, и так мне обидно стало. Непонятно даже почему. Что я, троек не получал? Мне бы радоваться, что не пара! Правда, тройка ехидная получилась: сбоку минус от моей домашней пятёрки торчит — выходит уже не тройка, а почти двойка.

В эту минуту Нинка передала мне записку. От Лёньки: «Тетёха! Выше нос! Я разгадал. Никакой не «капкан», а «конкар». «Знать контурную карту» — вот что было у тебя в дневнике записано. Спорим, да?»

А чего спорить-то, если я и без него догадался, но не хотел признаться? Потому что если вспомнить всё с начала, то выходит, что эту злосчастную «почти двойку» я влепил себе сам.

Бремя власти

Раньше я не обращал внимания на дежурных: стоят себе в белых рубашках, ну и пусть. И вдруг нам объявляют: следующую неделю мы дежури́м по школе. Потому что мы уже пятый класс. Мне это даже понравилось. Не понравилось только, что надо приходить за полчаса до звонка.

И вот понедельник. В первую же перемену я поссорился с Лёнькой. Лечу, спешу на пост, а он:

— По лестнице нельзя бегать!

— Отвяжись, видишь — некогда.

Он как заорёт:

— Вернись, пройди как следует!

Я остановился.

— Ты ослеп, что ли? Это же я! На пост опаздываю.

— Ничего не знаю. Вернись!

— Ну ладно, — говорю. — Я тебе припомню, приходи только в буфет.

У меня в буфете дежурство. Помчал дальше, а сам всё раздумываю, как бы Лёньке отомстить. Смотри, какие мы стали примерные! Главное — кто? Лёнька! Как будто не он на прошлой неделе разбил стекло Мишкой-Ушастиком! Так двинул, что Ушастик въехал плечом прямо в стеклянную дверь... Пора Лёньку поставить на место. Но как? Ничего, встану на пост — придумаю. Пост мне достался — скукотища.

Но скучать не пришлось. Народу было хоть и меньше, чем на большой перемене, а всё-таки ничего себе: кто ириски покупал, кто что.

За одним столом сидели два семиклассника, пили чай и громко смеялись. Они мне сразу показались подозрительными по дисциплине. Я стал прохаживаться мимо с видом часового.

— Куда идёшь? — спросил один и скорчил рожу.

«Начинается», — подумал я, но виду не подал, хожу.

— Эй ты, чего маячишь! — это второй высказался, ужасный балбес с виду.

Я презрительно пожал плечами и сел: нога за ногу, руки скрестил на груди. Вдруг — бац! — балбес запустил в меня ложкой. Чайной.

«Спокойствие и выдержка», — сказал я сам себе. Поднял ложку, положил на стол и только потом спросил:

— Фамилия?

— Гы-ы-ы! — зашёлся балбес.

— Фамилия?

— Балалайкин, ха-ха-ха!

— Последний раз спрашиваю: фамилия?

Только тут я понял, что дежурить не так уж просто. Двинуть бы балбеса ложкой по лбу — и все дела, а я не могу.

Не имею права. «Дежурный не затевает драк и не грубит», — предупреждал вожатый Гена. Он советовал действовать методом убеждения. Убедишь такого, как же!

Тут звонок зазвенел, все завопили, бросились к двери. Я всё-таки успел показать тому типу кулак, и мне сразу стало легче.

Потом перемены мелькали одна за другой. Я разнимал мелкоту с продлёнки, отбирал у девчонок синий мел, заставил одного третьеклашку поднять булку — вздумал булкой кидаться...

Я уже доходил совсем, когда вошла девчонка в кедах. Первый, от силы второй класс. Красный портфельчик, я о таком когда-то мечтал. Говорю ей:

— Девочка! Ты почему в кедах?

— Ну и фто?

«Фто»! С ума сойти. Говорить ещё не научилась!

Я объясняю:

— Не «фто», а нельзя ходить по школе без сменной обуви.

Она опять:

— Ну и фто?

Я ей:

— Чтобы я тебя в кедах больше не видел, а то запишу!

А она:

— Ну и фто?

И ушла.

Так меня разозлила, что, когда я одного лба — класса, наверно, из шестого — за рукав схватил, чтобы по стульям не бегал, он на меня взглянул и вдруг говорит:

— Извини, больше не буду.

Честное слово!

Ну и жизнь пошла. Поесть некогда. Я с собой на пост два яблока взял. Стал вынимать, а пакет разодрался, и яблоко упало. Ползаю по полу, ищу, вдруг слышу:

— А дежурный где?

Выглядываю из-под стола: ох ты! Сам директор, и с ним двое каких-то с фотоаппаратами. Улыбаются. Я скорее поднимаюсь и в этот момент роняю второе яблоко! И оно катится прямо под ноги этим, представителям. Один из них наклонился, ловко так поймал и мне даёт. И что-то говорит не по-русски. Я отвечаю «спасибо» и от ужаса, что так опозорился перед иностранцами, не знаю, куда девать яблоко, перекадываю его из руки в руку, да ещё проклятый пакет мешается, лохмотьями торчит. И тут какой-то услужливый малыш подаёт мне моё первое яблоко! Теперь у меня обе руки заняты, и я совершенно не представляю, что мне дальше делать. Хорош дежурный! Я так ясно увидал сам себя, как будто смотрел со стороны.

Но тут они наконец ушли. Через минуту в буфет заглянул Мишка-Ушастик:

— Видал? Шведы! Я им сказал: «Вери гуд». Оставь яблочка, а?

— Катись ты, — сказал я Мишке. И отдал оба.

За делами я совсем забыл, что хотел Лёньке мстить. А когда вспомнил, мне уже расхотелось. Встретились мы в раздевалке, как всегда.

— Что-то я устал, — говорю. — Какой сегодня день, понедельник?

— Да уж не суббота, — поддел меня Лёнька.

Он потому так сказал, что у меня правда был когда-то такой проект — я от него потом отказался, — чтобы каждый день

была суббота. Не воскресенье, когда знаешь: завтра всё равно в школу идти, а именно суббота.

— Нет, — говорю. — Ты меня не понял. Я не от уроков устал, а от дежурства. И даже не от самого дежурства. Я устал быть хорошим. Кругом люди как люди, а ты стоишь каким-то истуканом.

— «Устал»... А другие, думаешь, не устали? — отозвался Лёнька.

— Это с непривычки, — сказал кто-то у меня за спиной.

Гляжу — вожатый Гена шапку надевает, и рядом ещё один, тоже, наверно, из их 9-го «А».

— С непривычки, говорю, устали, — повторил Гена.

— Бремя власти, — сказал его товарищ. — Сладкое бремя власти.

Оба засмеялись и ушли.

— Сладкое какое-то, а чего? — спросил Лёнька.

— Не знаю. Девятые любят выхваляться. Ну ладно, пошли и мы.

Я шёл и думал вслух: понедельник. Пять дней осталось. До субботы я, пожалуй, дотяну. Хорошо, хоть одну неделю дежурим, не месяц, например. Неделя — и всё. Точка. Хватит. С меня, во всяком случае, вполне хватит недели!

— А я бы ещё подежурил, — признался Лёнька.

Четвёрка Тому Сойеру

Ну, было дело! Нина Ивановна принесла в класс наши сочинения — по картине художника Васнецова «Три богатыря». И давай читать вслух, кто чего намудрил:

«Богатыри в количестве трёх человек». «Крайний богатырь вдумчиво смотрит вдаль». «Ноги у него — тоже в ножнах...»

Повеселился я, хотя она и меня не пощадила. Я такое отколол: «Конь у Ильи — простой крестьянский скакун. Конь под Добрыней — статный, белый, сразу видно, что князь!»

Мы хохотали — это ладно. Но чтобы русалка смеялась вместе с нами! Такого ещё не бывало.

Раньше у нас по русскому была Зинаида Львовна. Она не позволяла все эти «хи-хи» да «ха-ха». Один раз мы с ней

разбирали стилистические погрешности изложения про Дедала и Икара. Лёнька тогда написал, что у Икара крылья были «пришиты к спине», и он, «потерпев аварию, кубарем свалился в море».

Я, конечно, тут же представил себе Лёньку в виде Икара и фыркнул. Никому не мешая. Совершенно тихо. Зинаида не успела даже заметить, кто фыркает, но читать сразу перестала, обвела класс грозным взглядом и говорит:

— А ещё пионеры!

И ни за что бы она не разрешила «Грамотейкина». Мы его придумали, пока обсуждали «Трёх богатырей». Кто-то предложил записать все наши «нарочно не придумаешь» и послать в «Крокодил».

Нина Ивановна говорит:

— Посылать не обязательно, а записать для себя стоило бы.

Ленка Смоликова сразу заняла:

— Давайте правда запишем! Слева — предложение с ошибками, а справа — кто всё это понаписал...

И скорей раскрывать тетрадь, отличница несчастная!

— Записывать — так без фамилий. Правда, Нина Ивановна?

Это Лёнька предложил.

А Нина Ивановна ответила:

— Сами решайте. Даю вам две минуты на размышление.

Все сразу замолчали. И вдруг Мишка как рывкнет:

— А я знаю! Нужно в альбом и всё подряд писать, чтобы получилось, как будто одно целое сочинение.

— Связный рассказ, — уточнила Смоликова, и я понял: ей до смерти завидно, почему не она это придумала.

Лёнька сразу согласился:

— Связный так связный. Лишь бы без фамилий. Мало ли кто что напишет, когда торопится!

— Точно, без фамилий! — обрадовался Степан Будаков, тот самый, у которого ноги оказались «тоже в ножнах».

И тут меня осенило.

— Одну фамилию надо, — сказал я. — Чью? Да ничью. Общую. Например, «Грамотейкин».

Так и решили: завести «Альбом сочинений Грамотейкина». Неплохо звучит, верно? Хотя я лично пострадал. Из-за этого Грамотейкина меня чуть не упекли в писатели. Эта Смоликова совсем разозлилась, что ничего не может придумать, и говорит: пусть он (то есть я) сам и пишет. Связный рассказ.

А для меня это — хуже нет. У меня, может, талант не в той области. Да я над собственными сочинениями всю жизнь мучаюсь! Еле отбился.

Я ещё почему не хотел? Мне казалось, Нина Ивановна того и гляди скажет:

— Ну, хватит. Я вас испытать хотела, а вы и рады. Поверили, что вам теперь можно и то, и это... Не стыдно? А ещё пионеры!

Я прямо каждый урок ждал, что она так скажет и начнёт вести себя как полагается.

И вот — дней десять прошло после «Трёх богатырей» — задаёт она домашнее сочинение на тему «Кем быть». Сдавать в течение недели. (Как будто не ясно, что, кроме дуры Смоликовой, все сдадут в субботу!)

Мне даже легче стало, когда она про сочинение объявила. Говорю ребятам:

— Дождались?

Лёнька не понял:

— Чего?

— Как это «чего»? Да тему-то ваша прекрасная Нинаванна дала — хуже нет! Сбор забыли?

Сначала они меня побить хотели, честное слово! Потому что за этот месяц все в Нинуванну прямо влюбились. Кроме меня, конечно. У меня после Зинаиды отношение к этим русалкам осторожное. Но когда я про сбор напомнил, кое-кто призадумался.

На том сборе нам сначала вожатые рассказывали про великих людей — как они стали великими, а потом спросили, не хочет ли кто из нас поделиться своими планами на будущее.

Лёнька захотел. Сказал, что собирается в авиаконструкторы: он правда с первого класса модели строит, и ему не надоело.

На этом месте Зинаида Львовна вошла, и он, дурак, продолжал делиться при ней. Сказал, что математика ему легко даётся, а это очень важно для конструктора.

Только он про математику брякнул — взяла слово Зинаида Львовна:

— Меня удивило выступление Носкова. А ещё больше удивляет, что никто ничего не заметил и не одёрнул его. Что за рассуждение: «Легко даётся!» Не по той дорожке идёшь, Носков! Лёгкий путь ищешь! От трудностей бежишь, вместо того чтобы закалять характер!

И пошла, и пошла... Вот так всегда она умела всё перевернуть.

После неё никто не захотел выступать. Даже Смоликова. Теперь нам предлагают сочинение на ту же тему. И эти лопухи уже всё забыли, развесили уши и собираются раскрыть перед Нинаванной свои затаённые мечты! Ладно. Им же хуже. А меня не проведёшь. Мы не лыком шиты!

В понедельник я — один-одинёшенек из всего класса! — сдал свою тетрадь.

Вот что в ней было написано:

«Кем быть.

Когда я вырасту большой, я куплю себе барабан, саблю, щенка бульдога и женюсь! Так говорил Том Сойер».

На следующий день она вошла в класс, и я сразу увидел у неё в руке мою тетрадку. Я сказал себе: «Ну, держись!» Но Нина Ивановна начала урок как ни в чём не бывало, а тетрадку положила рядом с классным журналом. И только в конце урока слышу:

— Да, Мухов, возьми свою тетрадь.

Я дрожащей рукой раскрыл её — и сначала ничего не понял. Четвёрка и какая-то надпись красными чернилами. Постепенно до меня дошло: «4 — Тому Сойеру (цитата берётся в кавычки!). А кем хочешь быть ты?»

И всё. Понимаете, я этого не ждал. Будь на её месте Зинаида Львовна, я бы сейчас уже топал домой с двойкой и приказанием: «Без родителей не возвращаться».

И так мне чего-то нехорошо стало. Прямо-таки стыдно. И, наверно, поэтому я вдруг сел и написал. Не про космонавта или лётчика-испытателя (верная пятёрка), даже не про геолога. Я написал про то, что никому ещё не говорил. Я по правде написал, кем хочу стать. Я в тот же вечер написал и на следующий день сдал. К моему удивлению, вместе со мной сдавали сочинения довольно-таки многие, хотя была всего-навсего среда. А Лёнька — я сам видел — даже чертёж своего будущего ракетоплана вложил, которого он изобретёт, когда вырастет.

И вот наступил этот день. Опять Нина Ивановна вошла в класс и читала вслух из наших сочинений, только сегодня она у каждого спрашивала: «Не возражаешь?» Надо сказать, никто не возражал. Между прочим, она очень хвалила Лёньку за *ц е л е у с т р е м л ё н н о с т ь*! И он от её слов краснел и улыбался, довольно глупо. Но когда Нина Ивановна назвала мою фамилию и сказала: «Очень самостоятельная работа, жаль, что ошибки...» И спросила: «Не возражаешь?..» Я ужасно растерялся (гораздо больше Лёньки!) и бухнул вслед за всеми «нет». Читайте, мол, Нина Ивановна, вслух, пожалуйста!

Это была ужасная ошибка.

Потому что стоило Нине Ивановне прочесть о моём решении стать футбольным врачом — а я написал именно про это, — в классе такое поднялось! Все мальчишки загалдели:

— Ишь какой хитрый!

— Ничего себе!

— Ловко!

— В чём дело? — удивилась Нина Ивановна. — Чего вы расшумелись?

- А потому что — нечестно! — орал Мишка.
- Несправедливо! — поддержал Лёнька.
- Выходит, он на все матчи попадёт, да ещё бесплатно?
- Не понимаю, — растерялась Нина Ивановна. —

Ну попадёт. Что же тут плохого?

- А то, что я — тоже хочу!
- И я!
- И я!
- Так-то каждый дурак захочет, — подытожил Степан

Будаков.

Только сейчас Нина Ивановна начала понимать, что к чему. Она улыбнулась и говорит:

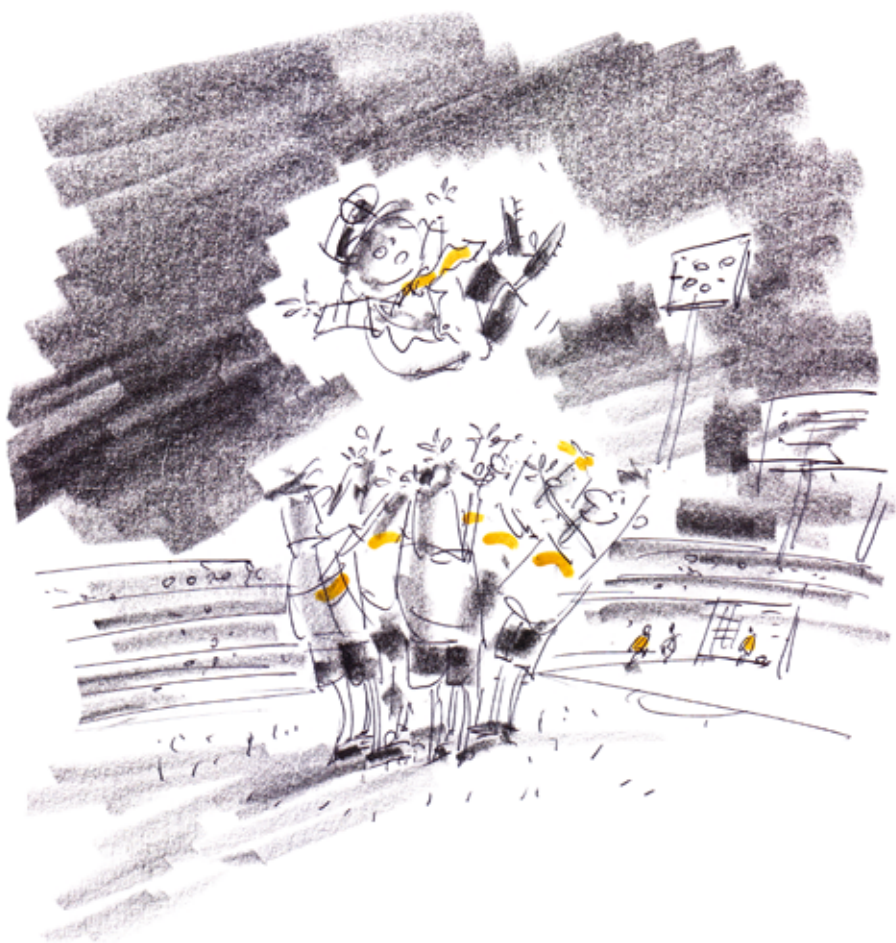
- Позволь, Будаков, ты же собираешься стать учёным?
- Я, может, передумаю, Нина Ивановна, время ещё есть.
- Действительно, есть, — засмеялась Нина Ивановна.

Тут мы немного опомнились. Тем более что девчонки давно над нами хихикали. А Нина Ивановна сказала, что, в общем, это хорошо, раз сочинение вызывает такие споры. Значит, от души написано. Что касается футбола, она в нём не очень-то разбирается, но согласна быть нашей болельщицей. Тем более что все учителя, в сущности, болельщики своих учеников. Ученики вырастают, становятся кем-то, а их учителя смотрят и гордятся за них. И что она просит: если кто-нибудь из нас действительно станет прославленным футболистом, пусть не забудет прислать ей билет на матч.

После этого урок пошёл своим чередом.

Только Мишка никак не мог успокоиться, шипел мне в спину:

— Другие, значит, мучайся, билеты доставай, а он за так на матч пойдёт? А сам и в футбол-то играть толком не умеет!

Я мог бы ему напомнить, как он забил гол в свои ворота, да не стал. Решил быть выше этого.

Если бы Мишка мог проникнуть в мои мысли, мне бы совсем житья не стало. Потому что как только я начинал думать о своей будущей профессии, мне всегда представлялось одно и то же.

...Наша команда едет за границу. И там вдруг эпидемия. И многие из команды заболели. И центр нападения. И запасные. (Между прочим, вполне возможная вещь, если, например,

ветрянки. В нашем классе в прошлом году сразу шестеро болели ветрянкой.)

Все, конечно, кидаются ко мне: «Доктор, спасите! Вылечите их к завтрашнему матчу! Отменить игру нельзя!» Я развожу руками: «Увы! Медицина бессильна... Но кажется, я всё-таки смогу вам помочь. Хотя и — ха-ха-ха! — не лекарствами!»

В день игры я! сам! становлюсь за центра! И мы выигрываем у них. (Я ещё, правда, не решил у кого.) И на другой день весь мир говорит о скромном враче! По радио только и слышно: «Подумайте, ихний врач обыграл нашего прославленного вратаря. Ура советской медицине!»

Я много раз представлял себе всё это: футбольное поле, и трибуны, и нас. (Все мы были похожи на майора Вихря².) Но сегодня у меня в первом ряду сидела ещё Нина Ивановна, размахивала руками и почему-то кричала: «Шайбу!»

² Майор Вихрь — Штирлиц своего времени, главный герой вышедшего в конце 60-х трёхсерийного остросюжетного фильма по роману всё того же Юлиана Семёнова.

Несколько слов от сестры Антона Мухова

Эти рассказы написала моя мама — Тамара Алексеевна Смирнова. Поэтому Антон Мухов похож на моего старшего брата Алёшу, новорождённая Галинка — это я, а их мама и папа во многом напоминают наших родителей.

Тамара Смирнова и Отто Лацис

На самом деле наши родители, Тамара Смирнова и Отто Лацис, были журналистами. Они и познакомились на факультете журналистики МГУ — учились в одной группе. Родители прожили вместе всю жизнь. И всю жизнь папа считал, что в литературном плане мама одарённое него. Но папа стал известным журналистом, а мама, хотя и работала до самой пенсии по специальности, — так и не стала.

Причин тому было две: мой брат и я.

Обычная история. Которая начинается, например, с того, что, исполняя задание редакции, даже самый любящий папа — а нам достался именно такой — всё-таки уезжает в командировку, даже если кто-то из детей заболел. А мамина командировка отменяется. И так далее...

Часть рассказов про Антона Мухова в своё время публиковалась в газетах. А ещё их читала с эстрады и по радио артистка Москонцерта Рита Александрова. Она честно пыталась разыскать автора, но найти в России женщину с редкой фамилией Смирнова — не самая лёгкая задача даже теперь, в цифровую эпоху.

Мама и Рита Александрова в конце концов познакомились — совершенно случайно. Так мама узнала, что у её рассказов были не только читатели, но и слушатели.

Недавно я обнаружила в Интернете запись старой радиопередачи с одним из маминых рассказов. И в который уже раз вспомнила о том, как мама хотела, чтобы они вышли в виде книжки. Об этом я знала с детства.

Дело в том, что я читала эти рассказы, доставая машинописные страницы, правленные маминой рукой, из большой коричневой папки. Картонной, с завязками. А в этой папке хранились и наброски разных вариантов сборника про Антона Мухова.

И вот теперь этот сборник появился.

Александра Лацис